

Сергей Алексеев

ГЛАВНАЯ

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Издательство «Детская литература»

Сергей Алексеев

ГЛАВНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

*Рассказы о первых
советских пятилетках,
о том, как возвели
на берегах Амура
город юности —
Комсомольск,
рассказы о Стаханове
и стахановцах*

Москва
«Детская литература»
1985

65.9(2)24

A47

Алексеев С. П.

A47 Главная специальность: Рассказы о первых советских пятилетках, о том, как возвели на берегах Амура город юности — Комсомольск, рассказы о Стаханове и стахановцах/ Рис. Г. Метченко. — М.: Дет. лит., 1985.—112 с., ил.

В пер. 50 к.

Рассказы для младшего возраста о стройках первых пятилеток, об удивительной поре грандиозных свершений во всех областях народной жизни, о трудовых подвигах Стаханова, Мазая, Виноградовых и Ангелиной, о строительстве Комсомольска-на-Амуре.

A 4803010102—235 212—85
М101(03)85

ББК65.9(2)24
32С5

Царская Россия была отсталой страной. Рабочие и крестьяне, взявшие в октябре 1917 года власть в свои руки, мечтали видеть свою страну передовой, экономически сильной державой.

Для этого надо было много работать. Построить новые заводы и фабрики, открыть новые шахты, возвести новые электростанции, проложить сотни километров новых железнодорожных путей.

Начались годы первых пятилеток. По всей стране развернулось огромное промышленное строительство.

Вот лишь одни из наиболее крупных сооружений той бурной строительной поры: знаменитая Магнитка — Магнитогорский металлургический комбинат на Урале, прославленный Днепрогэс — гигантская электростанция на Днепре, сказочный Турксиб — Туркестано-Сибирская железная дорога, соединившая Сибирь и Среднюю Азию. Навечно вошёл в нашу историю подвиг комсомольцев — строителей нового города на Дальнем Востоке — Комсомольска-на-Амуре.

Стройки, стройки. Всюду, по всей стране огромные стройки.

Не было взрослого, не было школьника в нашей стране, которые не знали бы имён передового рабочего Алексея Стаханова и его последователей — стахановцев.

О том, как советские люди строили в тяжелейших условиях Комсомольск-на-Амуре, о Стаханове и стахановцах, вы и узнаете из рассказов, которые составили эту книгу.

Итак, начинается путешествие в наше славное трудовое прошлое. Низкий поклон вам, герои великих строек.

ГОРОД НА АМУРЕ

ПОВОРОТ, ПОДВОРОТ. СНОВА ИЗГИБ РЕКИ

Город Хабаровск. Река Амур. 1932 год. Месяц май. Людно было в тот день на берегу Амура. Пароходы «Коминтерн», «Колумб» и баржа «Клара Цеткин» стоят у пристани.

Вниз по Амуру отправляется первый отряд комсомольцев. Едут молодые строители возводить на Дальнем Востоке новый город.

Людно сейчас на пристани. Из разных республик, из разных городов страны собрались здесь комсомольцы. Идёт на суда посадка.

Завершилась посадка. Тронулись пароходы. Плывут вниз по Амуру. Среди комсомольцев Иван Ермаков. Он в числе тех, кто плывёт на «Колумбе».

— Колумб, Колумб,— вспоминает знаменитого мореплавателя и открывателя новых земель Иван Ермаков.— Символическое для парохода название.

Поднялся Иван Ермаков на верхнюю палубу, прошёл на нос парохода. Стал, смотрит вперёд. И вот он уже не Ермаков Иван, а сам капитан Христофор Колумб. Смотрит, смотрит Иван Ермаков. Даже ладони дудочкой на манер подзорной трубы делает, руки к самым глазам подводит.

А рядом другие стоят колумбы — Фёдор Мухин, Фёдор Бердин, Алексей Смородов, Костя Зангиев, Леонид Качаев. Тоже смотрят вперёд, тоже руки дудочкой к глазам прикладывают.

Едут комсомольцы в новые края осваивать новые земли.

Идёт, идёт по реке пароход. Поворот, подворот. Что-то там впереди?

Поворот, подворот. Снова изгиб реки.

Несёт свои воды могучий Амур. Держит путь к краю дальневосточной земли — к Тихому океану.

Идут, идут пароходы. И вдруг... Что это там впереди? Льды!

Месяц май. Весна только-только в эти места приходит. Амур ещё весь не вскрылся. Забили льдины Амур от берега до берега. Медленно движутся грозной массой.

Пришлось пароходам сбавить ход. Тащатся вслед за льдами.

Стоят комсомольцы, смотрят вперёд. Поворот, подворот. Что-то там впереди?

Поворот, подворот. Снова изгиб реки.

За километром идёт километр. За часом — час. Несколько дней продолжалось плавание. Прибыли пароходы к нужному месту. Причалили к берегу. Высокий берег. Несколько домов. Это село Пермское. За селом сопки. Тайга.

Первым к берегу подошёл «Колумб».

Спускаются на берег комсомольцы.

— На «Колумбе» колумбы прибыли.

ПРО ВИДЕНИЕ И ВЕЗЕНИЕ

В Хабаровск для работы на Дальнем Востоке приехало много девушек. И вдруг вышел приказ: не брать девушек на строительство Комсомольска.

— Как так не брать?!

— Отчего?

— Почему?

Неумолим ответ:

— Не брать, не брать. Не девичья это работа.

Остались при посадке на пароходы девушки на берегу.

Все молодые, все энергичные. По доброй воле приехали сюда на Дальний Восток. И вот вдруг такой приказ.

— Не имеете права! — возражали девушки.

— Чем мы хуже?

— Несправедливо!

Однако приказ есть приказ. Возражай, спорь, хоть плачь, хоть кричи. Не будет проку от слёз и крика.

Плывут пароходы по Амуру. Вспоминают комсомольцы своих подруг:

— Как там сейчас Наташа?

Это Наташа Сидорова.

— Как там Нюра?

Это Ростовцева Нюра.

— Как там Маша?

Это Маша Машкова.

Что за вопрос — конечно, горюют. Остались, бедные, на берегу.

Жаль ребятам своих подруг. И Наташу, и Нюру, и Машу, и многих других девчат.

Перед отъездом хлопотали о них, к начальству ходили.

— Нельзя, нельзя, — повторяло в ответ начальство.

Идут пароходы. Держат путь к новым местам.

Прибыли пароходы, причалили.

Спустились комсомольцы на берег. Вновь вспоминают своих подруг:

— Как там Наташа?

— Как там Нюра?

— Как там Маша?

И вдруг... Смотрят ребята, глазам не верят. Видят — сходят с пароходов Наташа Сидорова, Ростовцева Нюра, Маша Машкова, другие девушки.

— Как?!

— Откуда?!

— Что за видение?!

— Не видение, а везение, — смеются девушки.

Оказывается, пробрались они в Хабаровске незаметно в пароходные трюмы. Спрятались там. Пересидели. Вместе со всеми сюда доехали.

Посердилось начальство. Да что же делать! Остались девушки в Комсомольске.

ИЗ «ОДЕССЫ» В «НИЖНИЙ НОВГОРОД»

Высадились энтузиасты на приамурский берег — стали строить палаточный городок.

Быстро пошла работа. Задание: возвести сто палаток. Расчищают комсомольцы прибрежный участок, ровняют место. Поднимаются палатки одна за одной, украшают высокий берег.

Появились палатки. Если присмотреться, на каждой что-то написано. На одной — «Одесса», на другой — «Ленинград». Вот и другие: «Киев», «Нижний Новгород», «Запорожье», «Кривой Рог», «Краснодар», «Ростов-на-Дону», «Харьков», «Мариуполь», «Смоленск».

Что же это за надписи? Почему здесь такие названия? Это названия городов, из которых приехали сюда комсомольцы.

Сто палаток. Но этого для всех оказалось мало. Вскоре к палаткам прибавились шалаши. Сооружали их из жердей. Обивали тёсом. Обмазывали глиной.

Но и этого мало.

Пригласили жители села Пермского комсомольцев к себе в дома.

Но и домов не хватило.

Поселялись люди в сараях, в амбарах, даже на чердаках, даже на огородах в банях. Сорокин Вася приютился вообще под небом в единственной на всё Пермское голубятне.

Встречают друг друга комсомольцы. Интересуются, где кто поселился. Звучат ответы:

- В палатке!
- В доме!
- В сарае!
- В амбаре!
- В шалаше!
- На чердаке!

— На огородах в бане!
Спросят у Васи Сорокина.

— Ближе к солнцу, — ответит Вася. — С сизокрылыми голубями.

Интересная жизнь в Комсомольске. Ходят строители в гости друг к другу: из домов в палатки, из палаток в амбары, из амбаров в сараи, из сараев на чердаки, с чердаков в шалаши, из шалашей в бани, поднимаются, словно идут на экскурсию, в Васину голубятню.

Ходят из «Одессы» в «Нижний Новгород», из «Киева» в «Запорожье», из «Кривого Рога» в «Ростов-на-Дону», из «Краснодара» в «Смоленск», из «Ленинграда» в «Харьков».

Пролетела весна, промелькнуло лето. Повеяло холодами. Не продержишься в суровую зиму в шалашах и палатках. Надо строить бараки. Построили тридцать. Прикинули — мало. Не хватит для всех барakov.

— Есть идея, — вдруг заявил Вася Сорокин.

— Что за идея?

— Давай лопату.

Вооружился лопатой Вася. Вырыл себе землянку. Вспоминают другие, как жил Вася на голубятне, смеются:

— С неба под землю.

Однако Васина идея с землянкой всем понравилась. Вскоре появился целый земляночный городок. Даже название он получил — Копай-город.

Комсомольск. Начался город с палаток, с землянок. Промчались годы. Ныне на берегах Амура поднялся красавец город.

КАК КОМСОМОЛЬСК СТАЛ КОМСОМОЛЬСКОМ

Комсомольск не сразу стал Комсомольском. Рядом с местом, которое было выбрано для строительства города, стояло село Пермское.

Пермское оно потому, что когда-то, ещё до революции, основали его крестьяне-переселенцы, приехавшие из бывшей Пермской губернии.

Возник один сруб, второй, третий... Пролегла единственная сельская улица.

Амур здесь полноводный. Берег, на котором стояло село, высокий. Недалеко от села Амур поворачивает, образует большую излучину. Рядом сопки. Сразу за селом начинается дремучий еловый лес.

Тут, на высоком берегу Амура, рядом с селом Пермским и приступили к строительству нового города. Появились первые дома, первые улицы. Название нужно городу.

Объявили строители конкурс, соревнование: кто придумает самое лучшее для него название.

Разные понеслись предложения:

— Высокий!

— Далёкий!

— Лесной!

Ясно ребятам: пока не то.

— Среднеамурск!

— Синегорск!

— Пятилетград!

Ближе. Лучше. Однако снова пока не то.

Кто-то прокричал:

— Комсомолка!

Засмеялись многие:

— Женское имя — городу?!

— А Москва, а Одесса, а город Полтава! — несётся

в ответ.

Продолжается спор о названии города. Кто-то сказал:

— Амурград!

Кто-то сказал:

— Добровольск!

Намного лучше. Почти хорошо.

И всё же общего нет согласия. И вот тут-то... Поднялся Ваня Сидоренко.

— Тише! Тише! Вношу предложение: Комсомольск-на-Амуре!

Замерли все. Вот так название!

— В самую точку!

— В самый раз!

— Ай да Иван Сидоренко!

Иван Сидоренко был одним из первых, кто приехал сюда на строительство нового города. Не новичок он в строительном деле. Немалый опыт уже за плечами. До Комсомольска трудился в других местах. Всегда и всюду отлично работал Иван Сидоренко. Газеты о нём писали. Портреты его печатали. Даже в Англию, в далёкий Лондон, ездил однажды Иван Сидоренко. Это была премия за самоотверженный труд.

Был он лучшим среди лучших и при строительстве Комсомольска.

Тут же в Комсомольске остался жить. Женился. Четыре сына у него родилось.

А когда разгорелась война с фашистами, ушёл Иван Сидоренко на фронт. Был политруком. Отважно с врагом сражался. Оборвала фашистская пуля жизнь прославленного строителя.

Погиб Иван Сидоренко. А память осталась. Это по его предложению Комсомольск стал Комсомольском. Он, комсомолец Иван Сидоренко, новому городу славное имя дал.

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Одна из первых работ, к которой приступили строители Комсомольска, — корчёвка леса.

Однако здесь поначалу произошла заминка.

— Где топоры?! Где пилы?!

Выяснилось: сплеховали хозяйственники, не захватили с первыми пароходами топоры и пилы.

Что делать?

Выход нашёл Кондрат Зозуля:

— У хозяев надо попросить. У местных жителей.

— А дадут?

— Под честное слово.

Обратились комсомольцы к жителям Пермского. Собрали несколько топоров и пил. С малого и начали.

Весёлое дело корчёвка леса. Подпилят строители корни у дерева, подрубят. Кто-нибудь возьмёт верёвку и вместе с ней полезет на верхушку ствола. Взобрался, привязал верёвку к вершине. Те, что внизу, раскачают с помощью верёвки ствол дерева. Не удержится лесной великан, рухнет на землю.

Кричат комсомольцы: «Ура!»

И тут «ура!», и там «ура!».

По этим «ура!» можно сосчитать, сколько стволов повалено.

Весёлое дело корчёвка леса. С особой удачью пошла здесь работа после того, когда с верёвкой на вершину дерева полез Кондрат Зозуля. Добрался он до вершины, закрепил верёвку:

— Тяни!

Не тянут комсомольцы. Кричат:

— Слезай!

— Тяни! — сверху
кричит Зозуля.

Раскачали комсомольцы ствол. Не устояло дерево, стало падать. Однако падало оно медленно, с торможением. И другие срубленные деревья здесь так же падали. Мешали густые кроны рушиться деревьям сразу. Опускались они как на амортизаторах.

Приметил это хитрец Зозуля, поэтому не побоялся падающего дерева, остался сидеть на вершине. Спустился на землю словно на парашюте.

Падают деревья одно за другим. «Ура!», «ура!» — несётся и слева и справа.

Дружно идёт работа. Хорошее у всех настроение.

АНТОН И ЖОРА

Строительство Комсомольска началось с хлебопекарни. Дружно комсомольцы принялись за работу. Пекарню строили большую. Стены возводили из кирпича.

Заспорили комсомольцы, за сколько дней закончат они строительство.

Называются разные сроки — двадцать дней, /пятна-дцать, кто-то даже сказал, что можно построить за десять дней.

— Быстрее надо, быстрее. Время не ждёт. Люди не ждут, — говорит Берестовский.

Берестовский — это бригадир. Он старший на стройке хлебопекарни.

В его же бригаде оказались Антон Прибрежный и Жора Каблучок.

Спрашивает Антон Жору:

— Откуда приехал?

Отвечает Жора:

— Из Одессы.

— Ах, Одесса! Одесса, Одесса! — смеётся Антон Прибрежный.

Спрашивает Жора Каблучок:

— Откуда приехал?

Отвечает Антон:

— Из Ростова-на-Дону.

— Ах, Ростов-Дон! Ростов-Дон! — смеётся Жора Каблучок.

Подружились Антон Прибрежный и Жора Каблучок на стройке. Хочется им, чтобы пекарня была построена как можно быстрее.

Предлагает Антон:

— Давайте работать от зари до зари.

Предлагает Жора:

— Давайте и ночью работать.

Обратились они к Берестовскому, высказали свои предложения.

Посмотрел на них бригадир:

— Откуда такие?

— Из Одессы,— говорит Жора.

— Из Ростова-на-Дону,— говорит Антон.

— Славные города, славные,— усмехнулся Берестовский.— Молодцы, верно предлагаете.

Всем понравилось предложение Антона и Жоры. День и ночь теперь не прекращалась работа по строительству хлебопекарни. Дружно работали строители. Прошло всего шесть дней, и готова хлебопекарня.

Едят комсомольцы свежий, душистый хлеб:

— Ну и хлеб! Ай да хлеб!

Спасибо Антону!

Спасибо Жоре!

Спасибо всем за ударный труд!

ПЕРВЫЙ ГУДОК

Немало в Комсомольске сейчас заводов. Машиностроительный, судостроительный, знаменитая «Амурсталь»...

Было это в первые месяцы Комсомольска. Прибыл новый отряд на стройку. Вместе с другими приехал и Вася Каширин.

Устал с дороги Каширин. Крепко уснул. И вот приснился Васе родительский дом. Вот мать, вот отец, вот сестрёнка Катя. Потом во сне появилась родная улица. Вот тротуары, вот фонари знакомые, вот чуть изогнулась, вниз побежала улица. Потом Каширин увидел весь город. Будто бы Вася парил над городом. Вот мост через речку, центральная площадь, кинотеатр, вокзал. А вот и родной завод. До отъезда на Дальний Восток на этом заводе работал Вася. Вот заводская труба. Проходная. Вот корпуса завода. А вот...

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — слышит Вася. — Гу-у! Гу-у! Гу-у! Заводской гудок, понимает Вася. Улыбается во сне Вася гудку родному.

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — продолжает звенеть в ушах.

Перевернулся Вася с боку на бок. Вдруг сосед по баракку:

— Ты что? Вставай!

Открыл Вася глаза, спросонья, где он и что с ним, понять не может.

— Вставай, вставай, рабочий день начинается, — снова ему сосед.

Вместе с Васей Кашириным приехал тогда в Комсомольск и Тарас Науменко. И Тарас крепко уснул с дороги. И ему приснился родительский дом. Вот мать, вот отец, вот брат Кондрат, вот сестра Одарка. Потом появилась родная улица. Затем родной город узнал Тарас. Вот речной порт, вот городской театр, вот городской бульвар, вот городской базар. А вот и родной завод. На этом заводе

до отъезда на Дальний Восток работал Тарас Науменко. Вот труба, проходная, цеха завода. А вот...

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — слышит Тарас. — Гу-у! Гу-у! Гу-у!
Заводской гудок, понимает Тарас. Улыбнулся Тарас во сне.

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — продолжает звенеть в ушах.

Перевернулся Тарас с боку на бок. Вдруг сосед по бару:

— Ты что? Вставай!

Открыл Тарас глаза, где он и что с ним, понять не может.

Вместе с Василием Кашириным и Тарасом Науменко в Комсомольск в тот же день приехал и Алесь Прокопович.

Как и другие, бухнулся он на кровать с дороги. Заснул богатырским сном. Спит Алесь Прокопович. Снится парню родимый дом. Вот мать, вот отец. Вот сёстры Роксана и Анка, вот братья Козей и Янка. Потом увидел родную улицу. Потом, как в кино, поплыл перед глазами родимый город. А вот и родной завод. До отъезда на Дальний Восток на этом заводе Алесь работал.

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — слышит Прокопович гудок знакомый. — Гу-у! Гу-у! Гу-у!

Улыбнулся Алесь во сне.

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — продолжает звенеть в ушах.

Повернулся Прокопович с боку на бок. Вдруг сосед по бару:

— Ты что? Вставай!

Открыл Прокопович глаза, где он и что с ним, понять не может.

Объясняет сосед Алесю:

— Гудок! Заводской! Первый гудок в Комсомольске.

Это был гудок комсомольского лесозавода. Прошло всего лишь два месяца с того дня, когда высадились здесь первые комсомольцы, а уж построен и пущен в ход первый завод Комсомольска.

Гу-у! Гу-у! Гу-у! — несётся над тайгой, над Амуром.

Рождается город. Промышленный город. Слушайте. Слушайте. Слушайте. Первый гудок над городом.

УЛОВ

Идут по Амуру к месту стройки нового города пароходы. Тянут тяжёлые баржи с разными грузами.

Пришли в Комсомольск пароходы. Кричат гудки:
«Принимай материалы! Гу-гу-гу!»

Для разгрузки пароходов и барж устраивались субботники. Все, кто в это время был свободен от основных работ, направлялись к пристани.

Собирался как-то Капитон Капитонов с напарником на рыбалку. Снаряжение проверял. Поплавки самодельные мастерил. Как раз следующий день был у них свободный.

— Встанем пораньше, ещё до рассвета, — договорились друзья-товарищи.

Проснулся в условленный час Капитонов. Ноги в брюки. Куртку на тело. Только потянулся за удочками:

Гу-гу-гу!

Снова пришли пароходы. Сорвалась рыбалка. Пришлось отложить её до следующего выходного дня.

Пролетела неделя. Проснулся в условленный час Капитонов. Ноги в брюки. Куртку на плечи. Удочки в руки. Встретился он с напарником. Тронулись в путь друзья. Благодать. Хорошо. Идут гадают:

— Будет удача? Не будет удачи?

Конечно, удача будет. Тут бы не быть удаче. Амур полноводен. Простор

для рыбы. Это к месту лова шагают они налегке. Будут идти домой — согнуты от груза рыбы.

Потёр Капитонов ладошкой о ладошку.

— Будет удача, будет!

Шаг, ещё шаг. Всё ближе к заветному месту. И вдруг: Гу-гу-гу!

Остановился Капитонов. Остановился напарник.

— Н-да,— протянул Капитонов. Жалко, конечно, ему, что срывается снова рыбалка, что надо по гудку торопиться к пристани.

— Ничего, ничего. И без нас управятся,— говорит напарник.

— Нет,— сказал Капитонов.

Повернул он назад. Постоял-постоял напарник. Двинулся тоже за Капитоновым.

Прошла ещё неделя. В третий раз направились рыболовы к заветным своим местам. Миновали знакомый овражек. Обошли стороной болотце. Вышли друзья к Амуру. Ещё километр — и достигнут цели. Прошли километр. Расположились на берегу. Приготовили удочки. Капитонов для удобства разложил телогрейку. Всё по-солидному. Всё как надо.

Забросил он удочку. Ударило по воде грузило. Колыхнулся и замер как по команде «смирно» на речной глади самодельный капитоновский поплавок.

— Отлично,— сказал Капитонов.

И в этот момент — гудок. Протяжный, требовательный.

Даже Капитонов и тот не сдержался.

— Э-эх, снова про нашу честь.

— Не пойду,— заявил напарник.

И не пошёл.

А Капитонов гудка послушался. До самого вечера разгружал он вместе с другими баржи. Таскали, таскали люди кули и ящики. Выросли на берегу целые горы нужных для стройки грузов.

Возвращался домой Капитонов. Видит, шагает его напарник. Не зря он весь день просидел у реки. На плечах мешок. Рыбы в мешке — вагон.

— Что ж, поздравляю,— сказал Капитонов.

Не ответил напарник. Что-то не весел. Видно, как-то неловко ему перед Капитоновым и другими.

Не весел напарник. А у Капитонова отличное настроение. Показал на берег, на горы различных грузов.

— Вот он, и наш улов.

Отличное настроение у Капитонова. Радостно на душе.

Старая истина вновь подтверждается. Радость в общем труде рождается.

ПЛЕЧО КОМИССАРА

Всё новые и новые строители приезжали на Дальний Восток. В декабре 1933 года в Хабаровске собралось более тысячи человек. Все мечтают о Комсомольске.

Но как попасть в Комсомольск зимой? Нет здесь путей-дорог. Не пробьёшься зимой сквозь таёжные дебри.

Кто-то выкрикнул:

— Пешком по Амуру.

Тронулись в путь комсомольцы. Идёт отряд за отрядом. Строительные инструменты, разные мелкие грузы несут на плечах. Тут же несколько конных упряжек. Эти везут продукты.

Вместе со всеми шагал и Назар Пичугин. Плотник он по профессии. Идёт, шагает, тащит рубанок, тащит фуганок, пилку-ножовку тащит.

В первый день прошли 25 километров. Потом стали проходить по 30 и даже по 50.

Кто-то кричит восторженно:

— Суворовским маршем идём. Суворовским!

Только не всем под силу оказались такие походы. Стал выбиваться из сил и Назар Пичугин. Сам комиссар похода Наумов к нему подходил, подбадривал. Как-то даже плечо подставил. Опёрся Пичугин на плечо комиссара, сразу легче бедняге стало. Так бы всю жизнь шагал.

Двести километров уже позади. Третью сотню идут комсомольцы. Всё хуже Пичугину, хуже. Нет сил дальше тащить поклажу. А тут вдруг ещё беда. Исчез из мешка у него рубанок. Хотел он поднять скандал. Однако махнул рукой. Всё же груза тащить поменьше.

Прошёл ещё день. Всё меньше, меньше сил у Пичугина. Вновь комиссар к нему подходит. Снова плечо подставил:

— Держись, Пичугин. Победа близко!

Ещё плетётся Назар Пичугин. А тут и опять беда. Ис-

чез из мешка у него фуганок. Ругнулся Пичугин. Однако махнул рукой. Всё же груза тащить поменьше.

Едва ступает Назар Пичугин. Вновь комиссар Наумов к нему подходит. Снова плечо подставил.

— Держись, Пичугин. Победа рядом!

Потом, уже у самого Комсомольска, путники попали в пургу. Два дня трепал и людей и округу ветер. Как снежный барс на людей бросался. На последних переходах Пичугин и вовсе сдал. И хоть снова явилась к нему беда — исчезла вдруг и пила-ножовка. Не сожалел о ножовке теперь Пичугин. «Пропади ты пропадом всё», — сказал.

И всё же дошёл он вместе со всеми до Комсомольска. Вот он, конец похода.

Ура! Пробились.

Подошёл комиссар Наумов к Пичугину, улыбается. Ответил и Пичугин ему улыбкой. Посмотрел на Наумова Пичугин как-то загадочно, протянул вещевой мешок.

«Что такое?» — не может понять Пичугин.

— Бери, бери, — улыбается комиссар.

«Что такое?» — в догадках опять Пичугин.

Раскрыл он мешок и ахнул. Рубанок, фуганок, пила-ножовка лежат в мешке.

Повернулся Пичугин к комиссару Наумову. Только нет здесь уже Наумова. Вот он спешит по настилу снежному. Кому-то приветливо улыбается.

КАРТА МИШИ ИВАНОВА

Для строительства нового города не хватало кирпича и гравия. Кирпич не сделаешь без глины. Везти гравий, кирпич или глину издалека долго и дорого. Надо было строительный материал разыскать на месте.

Стали расспрашивать пермских старожилов.

— Должна быть глина. Должна, — говорят старожилы.

— Должен быть гравий. Край богатый — всё в наших местах должно быть.

Решили строители направить в тайгу экспедицию. Подобралось восемь человек. Самому молодому из них, Мише Наумову, было шестнадцать лет.

Раздобыл Миша где-то карты этих мест.

— Важнейший документ, — говорил. — Важнейший! — И добавлял: — Ключ к разгадке великих тайн.

Стали прикидывать комсомольцы, сколько же дней они пробудут в тайге, сколько же им понадобится времени, чтобы найти глину, чтобы разыскать гравий.

Один сказал: месяц. Второй сказал: два.

Тронулась в путь экспедиция. Всё предусмотрено в экспедиции, взяты: палатки, лопаты простые, лопаты совковые, лопаты сапёрного образца, кайла, ломы, топоры, котлы походные, посуда кухонная. Солидный запас еды.

Шагают тайгой изыскатели. Полны гордости и надежд. Миша важно идёт, карту свою несёт. Досрочно свершились надежды. Прошли немного — наткнулись на глину. Прошли немного — встречают гравий.

Три дня, и закончена вся экспедиция. Даже обидно стало. Вернулись участники экспедиции в Комсомольск. Поставил Миша кружки на карте, обозначил места находок.

— Ну как? — спрашивают старожилы.

— Полный порядок, — отвечают комсомольцы. — Нашли и глину, нашли и гравий.

— То-то,— улыбаются старожилы. И снова своё: — Богат наш край, богат. То ли ещё тут сыщется.

И верно. Прошло несколько лет, и нашли геологи в тех местах богатейшие залежи олова и свинца, цинка, меди и других очень нужных стране металлов.

Удивительной стала карта Миши Иванова. Глянешь — в разноцветных она кружочках.

И НИКАКИХ ГВОЗДЕЙ...

Для любого строительства нужен лес. Лес для Комсомольска рубили на правом берегу Амура. Комсомольск же строился на левом его берегу. Лес доставляли по воде. Но вот наступила зима. Амур замёрз. Как же переправить строителям лес?

Конечно, нужны машины. Нужны трактора. Нет пока на строительстве нужного количества машин, нет тракторов. Нет саней, нет даже лошадей.

Что же делать? Казалось, выхода нет.

И вдруг:

— Есть выход! Есть!

Идею, как доставить лес с правого берега Амура на левый, подал молодой инженер комсомолец Василий Сухнев.

— Надо прорубить канал во льду,— заявил Сухнев.

По каналу Сухнев и предлагал переправить заготовленные брёвна в Комсомольск.

— Канал!

— Во льду?!

Идея смутила многих.

— Да, да, канал. Да, да, во льду,— повторил Сухнев.

Подумали, подумали люди. Выхода другого действительно нет. Прав, конечно, Сухнев. Надо прорубить канал во льду Амура.

— Рубить — и никаких гвоздей! — кричал Витя Смородин.

Рассчитали комсомольцы длину канала. Получилось девять с половиной километров. Решили пробивать его шириной в один метр. Глубиной в восемьдесят сантиметров.

Февраль. Стужа. Мороз. Вышли комсомольцы на лёд Амура. В руках кирки, ломы, лопаты. Приступили к работе люди.

Шесть дней и ночей не прекращался упорный труд. Наступило утро седьмого дня.

— Ура! — пробили канал комсомольцы.

Первые брёвна шлёпнулись в воду.

— Наша взяла! Наша взяла! — кричит Витя Смо-
родин.

Ненадёжна погода здесь, на Амуре. Особенно в феврале. Ясно, ясно, и вдруг налетит ветер, наползут облака. Посыплет снег. Загудит вокруг. Заметет. Засвистит. И вот уже пурга лютует и пляшет по всей округе.

Так сложилось и в тот день. Только пробили комсомольцы канал. Только поставили точку. Тут как тут — коварный дальневосточный ветер. Тут как тут — дальневосточная пурга. Запорошило, замело всё вокруг. Стал снег набиваться в канал. Вычерпывают люди его лопатами. Не успевают. Ко всему начал увеличиваться мороз. К утру канал замёрз.

Получилось: вся работа коту под хвост!

Пришлось людям всё начинать сначала. Пробили вторично канал комсомольцы. Снова шлёпнулись брёвна в воду.

И снова злым роком пурга явилась. Кружила. Плясала. Людям в лицо смеялась.

В третий раз пришлось приниматься за труд комсомольцам. Осилили всё же они и мороз, и пургу, и снег.

Заработал канал. Стали комсомольцы цепочкой вдоль канала. Толкают баграми брёвна. 210 брёвен переправили в первый день. Более шестисот во второй, более чем по тысяче в третий и в другие дни. Идёт бревно за бревном. Получай, Комсомольск, строительный лес для города.

Стоит с багром в руках в общей цепочке и Витя Смо-
родин, толкает брёвна.

— Шагайте, шагайте! — покрикивает. — Шагайте. И
никаких гвоздей.

ДОБРОЕ ДЕЛО ДОБРОМ ОТЗОВЕТСЯ

Случилось это глубокой осенью. Шли дожди. Решетили землю. Неистово носился ветер. Ударял в бараки. Валил людей. Непокойное было время.

В один из таких дней, уже вечером, в темноте подошёл к Комсомольску буксир. Притащил плоты с лесом для стройки.

В тот день ветер достиг необычной силы. Налетал он с особой злобой. Стал разбивать плоты.

Объявили аврал, тревогу.

Среди прибежавших спасать плоты были бригадир Николай Гаврилов и однофамилец Миши Иванова Вася Иванов.

Гаврилов сразу же бросился на ближайший плот. Пытался он удержать в общей связке брёвна. Однако было

поздно. Связка треснула. Видел Вася Иванов, как заколебались, заходили под Гавриловым брёвна, как вдруг отошли они одно от другого. Образовался просвет. Не удержался Гаврилов, рухнул в этот просвет.

Вспомнил Вася суворовское: «Сам погибай, а товарища выручай». Бросился вперёд, туда, на плот, на брёвна.

— Гаврилов! — кричит. — Гаврилов! Держись, Гаврилов! — Пробежал метр, второй. Брёвна скользкие, вёрткие. Поскользнулся Вася — и тоже в воду.

И сразу на берегу:

— Утонули! Утонули!

— Вася утонул!

— Гаврилов утонул!

Кинулись люди к стоящей неподалёку лодке. Пошли на помощь.

Бороздила лодка туда-сюда по Амуру. До зари, до рассвета продолжались поиски. Нет Гаврилова, нет Иванова. Общий траур среди строителей.

Однако не погибли в ту ночь ни Иванов, ни Гаврилов.

Вот что случилось тогда с Гавриловым. Упал он в воду, и тут же волна подхватила, понесла его вниз по течению. Стал он плыть, пытается преодолеть, пересилить волну и течение. Сильнее волна и течение. Всё дальше от берега, от Комсомольска тащит его вода.

А вот что случилось тогда с Ивановым. Упал он вслед за Гавриловым в воду. Подхватила и его волна, понесла по течению. Да только беда случилась тогда с Ивановым. Падая, ударил он сильно ногу. Не может бороться с волной Василий. Несёт его ниже, ниже, всё ниже. Теряет от боли, от стужи Вася сознание. Взмахнёт руками, схватится за поверхность воды. Однако нет сил удержаться. То появится он над водой, то вновь с головой под волну уходит. Понимает Василий: приходит конец. Вот снова рывок. Слабее, слабее. Вот кончились силы. Поставлена точка. Лишился сознания Вася.

И тут... Однако не чувствовал этого уже Иванов. Про-

должал Гаврилов бороться с волной. Взмах руками. Ещё взмах. И вдруг: что такое? В темноте коснулась рука какого-то предмета. Отдёрнул Гаврилов руку. Опять протянул. Понял: это же человек в воде.

Стал бороться теперь Гаврилов за жизнь свою и жизнь неизвестного человека. Пересилил он всё же волну и течение. Доплыл до амурского берега. Вынес спасённого. Глянул. Так это же Иванов Вася!

— Вася! Вася! Иванов! — тормошит он товарища. Привёл его в чувство. Открыл Иванов глаза. Пришёл в себя. Вот так чудо.

Бросился Иванов спасать Гаврилова. А оказалось, Гавриловым был спасён.

Так уж в жизни давно ведётся: доброе дело добром отзовётся.

ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ

Лето. Цветёт, благоухает, поёт тайга. На сотни километров, за три горизонта зелёным ушла разливом. Заговорила листвой и травами.

Но чу! Притаился здесь злейший враг — комары, гнус, таёжная мошкара. Тысячи их. Тысячи тысяч. Миллион миллионов.

Нет от врагов спасения. Атакуют со всех сторон. Впиваются в руки, в шею, в лицо. Набиваются в ноздри, в уши. Жалят в веки. Жалят в губы. Лезут за шиворот. Лезут под рукава. Готовы прокусить и одежду, и обувь, пронзить и стекло, и сталь.

— Уймись!

— Уймись!

Нет от врагов спасенья.

Ты в походе — кружат над тобой комары.

Ты на привале — кружат над тобой комары.

Спишь, читаешь, сидишь, гуляешь — нет от врага защиты.

Кружат, кружат над тобой комары. Совершают кровавую пляску.

Был бригадир на стройке.

— Подумаешь, гнус, мошкара!

— Как так — подумаешь?!

— А чего их бояться, — сказал бригадир. — Хотите рецепт?

— Хотим!

— Смотрите.

Приступил бригадир к работе. Спорится всё у него в ру-

ках. Рубили как раз тайгу. Взмах топором, ещё взмах, ещё взмах. Ложатся, как трава под косой, стволы. Залюбуешься, глядя на эту ловкость. Налетели на бригадира комары. Окружили, повисли облаком. Жужжали, жужжали. Кусали, кусали. Не обращает на них бригадир внимания.

Налетели мошка и гнус. Повисли на бригадире живыми хлопьями. Кусали, кусали. Не обращает на них бригадир внимания.

Пискнул главарь комариный:

— Не тот экземпляр.

Пискнул главарь мошкариный:

— Какой-то чудной попался.

— Не интересно,— пискнул начальник гнуса.

Отступили таёжные разбойники. Полетели бояк и нерадивых кушать.

В жизни порой чудеса бывают —
От бед и болезней работа спасает.

ГЛАВНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Переживал Дима Матвеев. Не было у него никакой специальности.

Разводит руками:

— Нет никакой специальности.

Был он совсем молод ещё.

Любили его строители. Внимательный он паренёк и отзывчивый.

Ещё когда ехали на Дальний Восток с Димой в поезде, произошла такая история.

Стали обедать как-то в пути комсомольцы. Развернули парни и девчата свои дорожные кульки. Развернул и Дима. Мама ему в дорогу и котлет нажарила, и яиц отварила, и огурчиков солёных положила, и сладкие булочки специально напекла.

Ест Дима, видит: сосед нет-нет да посмотрит в его сторону. Понял Дима: нет, видимо, у соседа с собой еды, а кушать хочется. Протянул Дима ему яйцо. Протянул

огурец, котлету.

— Ешь, ешь.

Суёт и булочку.

Заметили другие, как угощает соседа Дима, спрашивают:

— Друг?

— Нет.

— Знакомый?

— Нет.

— Земляк?

— Нет, — отвечает Дима. — Просто всем надо кушать.

Потом, когда ехали уже из Хабаровска в Комсомольск-

на-Амуре на пароходе, обратили другие внимание на такую картину.

Холодно было. Ветер гулял над Амуром. Ежились все от холода. Вот и худенький какой-то парнишка. Кашляет. Подошёл к нему Дима, снял со своей шеи шарф.

Заупрямился парнишка.

— Надевай, надевай!

— Друг? — спрашивают у Димы.

— Нет, — отвечает Дима.

— Знакомый?

— Нет, — отвечает Дима.

— Земляк?

— Нет, — отвечает Дима.

А вот и ещё одна история. Было это уже в самом Комсомольске. Заболел серьёзно комсомолец Николай Хохлов. Не было пока друзей у Хохлова. Заботы у других, работа, разные хлопоты. Скучает Хохлов на больничной койке. Вдруг приходит к нему Дима Матвеев. Стал посещать. Приносил гостинцы. Когда Хохлову было совсем плохо, три ночи просидел у больничной койки.

— Друг? — спрашивают у Димы.

— Нет.

— Знакомый?

— Нет.

— Земляк?

— Нет, — отвечает Дима.

Всё хорошо у Димы. И уважают его, и любят. Плохо одно — нет у Димы пока специальности.

Переживает Дима.

Подошёл как-то к Диме Митрофан Сергеевич Пивоваров. Коммунист, известный строитель.

— Не переживай,— говорит Диме.— Научишься ещё. Многому научишься. Зато главная специальность уже у тебя есть.

Поднял Дима глаза на Пивоварова. Мол, какая такая специальность?

— Человек настоящий,— сказал Пивоваров.

САМОЛЕТ И ЧЕРЕПАХА

Был на стройке Семён Крутилин. Умел рисовать прилично.

— Семён, сотвори портрет.

— Семён, нарисуй Амур.

Рисует Крутилин портреты строителей. Рисует Амур и сопки, делает разные наброски и зарисовки дальневосточной стройки. Отличился ещё в одном. Придумал рисунки к доске Показателей.

Завели строители такую доску. Помечали, как какая бригада работает. Как выполняют строители планы. Кто впереди, кто позади. Кто где-то в середине тянется.

До Семёна доска была как доска: названия бригад, цифры. Теперь помимо цифр и названий появились рисунки: самолёт, поезд, телега, черепаха.

— Для наглядности, для наглядности, — говорил Крутилин.

И верно, наглядность полная. Соберутся строители у доски Показателей, улыбаются, смеются. Сразу всё ясно. Самолёт нарисован у тех, кто впереди, кто лучше, быстрее других работает. У тех, кто в середине, значит поезд, телега. А рядом с теми, кто в отстающих, кто плетётся сзади, изображена черепаха.

Досталось многим от этой самой черепахи. Особенно одной из бригад землекопов. Засели они на черепахе. Неделя прошла, вторая. Никак не уйдут с последнего места. Третья идёт неделя — по-прежнему бригада на черепахе. Кончилось тем, что бригадира даже Черепахиным окрестили.

Вьедливы клички, прозвища. Пошло гулять по Комсомольску:

— Как там у Черепахина?

Встретят бригадира:

— Привет, Черепахин!

Прошло какое-то время, выправилась, наконец, бригада. Уже давно землекопы не на последнем месте. Пересела бригада на телегу, затем на поезд. А про бригадира всё так же говорят — Черепашин и Черепашин.

— Смотри, на телеге сидит Черепашин.

— Смотри, Черепашин катит на поезде.

Вот-вот бригада и вообще на самолёт пересядет.

А Черепашин всё по-прежнему в Черепашиных.

Ох, как упорно людское мнение. Не зря говорят в народе: честь береги с рождения.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СТИМУЛ

Нравится Пете Поля. Нравится Поле Петя. В Комсомольске строили электростанцию. Немало здесь было трудностей. То хлестали людей дожди, то морозы пошли трескучие. То перебои с песком, с кирпичом, то не хватает стекла и извести.

Тут на строительстве электростанции и встретились Петя с Полей.

Состояли в разных они бригадах, но порой получалось так, что рядом работали их бригады. Вот трудится Поля. Вот трудится Петя.

Замечает Поля: то и дело поворачивает в её сторону Петя голову. Чувствует девушка восторженный взгляд молодого парня, от этого взгляда, от того, что Петя здесь рядом, начинает лучше, быстрее работать.

Видят другие, если Петя рядом, в руках у Поли любая работа огнём горит.

— Дополнительный стимул,— говорят про Петю.

Замечает и Петя, что нет-нет да повернёт в его сторону голову Поля. Вырастают у Пети крылья от этого взгляда. Вот-вот от земли оторвётся. Действительно оторвался. Летит. Парит.

Потом снова вернётся на землю. Сразу за двоих, за троих работает.

Видят другие, что, если

лишний раз Поля посмотрит на Петю, Петя горы готов свернуть.

— Дополнительный стимул,— говорят про Полю, про этот взгляд.

Хорошо, когда они трудятся рядом.

Однако если случилось вдруг так, что вдалеке одна от другой работали их бригады, сразу иной становилась картина.

Как-то невесел Петя.

Что-то скучает Поля.

В выполнении плана как-то у Пети сразу не тот процент.

Невнимательна что-то в работе Поля.

Нашёлся кто-то разумный. Соединили Полю и Петю в одной бригаде. Вот они рядом. Вот они вместе. Работа снова поёт и спорится.

Ясно всем: полюбила Полина Петю. Петя, конечно, влюблён в Полину.

Смотрят люди на Полю, на Петю.

— Дополнительный стимул,— улыбаются люди.

СЛУЧАИ С ХОХЛОВЫМ

Повстречался Игорь Хохлов с медведем. Шёл он тайгой. Чащобой. Обошёл поваленную ель. И вот тут... Нос к носу стоит перед ним медведь.

Обомлел. Онемел. Побелел Хохлов.

Понимает: пропал!

И медведь обомлел от встречи.

Нет бы Хохлову назад попятиться и тихонько снова уйти за ель.

Только вдруг ни с того ни с сего сказал он медведю:
— Здравствуйте!

Не понял медведь Хохлова. То ли был не в духе медведь, то ли был страшно голоден. Стал он на задние лапы, заревел на всю тайгу.

Побежал Хохлов от страшного места. Бежит, чувствует — несётся за ним медведь.

Никогда Хохлов в спортсменах не числился. Э-эх! Не было в ту минуту рядом спортивных судей. Наверняка превысил в беге Хохлов все мировые рекорды.

Увидел Хохлов берёзу. Рванулся к берёзе. Быстрее кошки, быстрее белки, словно стрела из лука, словно из дула пуля, взлетел Хохлов на её вершину.

Вцепился руками в ствол. Глянул на землю. Под берёзой стоит медведь. Ухватился разъярённый зверь за берёзу. Начал трясти. Как грушу, как сливу, как яблоно, трясёт берёзу. Берёза оказалась не очень

толстой. Ходит налево, направо ствол. Еле Хохлов на вершине держится.

Удержался всё же. Однако тут новое. Посмотрел косолапый на Хохлова, на ствол берёзы, что-то в уме прикинул и вдруг сам полез на дерево.

Понимает Хохлов беду.

— Ма-а-а-ма! — кричит с вершины.

Всё ближе медведь, всё ближе.

Проплывало в эту минуту рядом, почти над самой берёзой, облако. Вот где спасенье, мелькнула мысль у Хохлова. Сжался он, словно пружина. Оттолкнулся что было сил от берёзы. Долетел, дотянулся, уцепился за облако. Залез на него. Только перевёл дух. Только чуть успокоился. Глянул вниз. О, ужас! Видит: мишка тоже оттолкнулся от берёзы. Тоже дотянулся до облака. Вот он рядом. Вот лапы, вот когти. Вот раскрытая дверь пасть.

Рванулся Хохлов вперёд. И мишка за ним рванулся. Мчат по небесной они дороге.

— Ма-а-а-ма! — продолжает вопить Хохлов.

Доконал косолапый всё же Хохлова. Добежал бедняга до края облака, не удержался и рухнул вниз. Летит, что есть сил кричит:

— А-а-а!

— Ты что?! — толкнул Хохлова сосед по нарам.

Не может Хохлов понять, что с ним происходит, что это не явь, а просто сон ему приснился, продолжает кричать:

— А-а-а! — И тут же: — Спасите!

Всех до последнего в бараке своим криком разбудил.

А дело вот в чём. Наслушался Хохлов долгими зимними вечерами про медведей разных историй и разных басен. Вот и приснился ему медведь. Долго потешались потом над Хохловым. Называли Хохлов-Топтыгин.

Края дальневосточные, конечно, далёкие, в те годы почти безлюдные. Встречалось здесь много животных. Встречались и медведи. Забредали порой на стройку.

Однако так — чтобы гоняться за людьми, лазить за ними на деревья, трясти, как груши, догонять по облаку, — нет, такого не было.

Встретился как-то и Хохлов с живым медведем. Однако не проявил интереса медведь к Хохлову. Посмотрел равнодушным взглядом. Повернулся. Пошёл в чащобу.

ОТПУСК

Алексей Смородин просился в отпуск.

— Разрешите!

— Разрешите!

— Хотя бы совсем ненадолго.

— В родной Ленинград.

— На берега Невы!

К бригадиру ходил, к прорабу, к парторгу, к другим руководителям и начальникам.

Разрешили Смородину поездку. Дали отпуск на целый месяц.

Катит Алексей Смородин через всю страну, через Сибирь и Урал на запад. Времени свободного много. Лежит на вагонной полке, рассуждает: «Не хватит мне месяца. Что там месяц. Дни пролетят, как ветер».

Прибыл Алексей Смородин в родной Ленинград. Отца-мать повидал, сестрёнке Кате обо всём рассказал. Сбегал к друзьям, к приятелям.

Прошёл день, второй. Ещё прошёл день, второй. Надышался он ленинградского воздуха, походил по набережным Невы. По Невскому прогулялся, по Дворцовой площади. В Эрмитаж сходил, в Русский музей. Постоял у памятника Петру Первому.

Прошёл ещё день, второй. И вдруг чувствует Смородин: чего-то ему не хватает. Как-то неуютно ему здесь без всякого дела. Думал, гадал, и вдруг: ведь Комсомольска не хватает. По Амуру соскучился.

Неуютно ему без друзей по далёкой восточной стройке.
Покрутился ещё день, ещё два. Не выдержал. Стал собираться в обратный путь.

— Куда так скоро? — отец и мать.

— Побудь немного, — сестрёнка Катя.

— Дела, не могу. Дела! — в ответ Смородин.

Едет, спешит Смородин через всю страну, через Урал и Сибирь на Дальний Восток. Торопит поезд:

— Быстрей, ленивый, труба-колёса!

Вернулся досрочно назад Смородин. Сразу к нему вопросы:

— Как так?

— Почему?

Засмущался Смородин. Честно сказал:

— Соскучился.

Прикипело сердце Алексея Смородина к новым местам, к новым друзьям. Прикипело, словно кто-то прошёлся сваркой.

«АДЬЮ» И «ПАРДОН»

Приехал Вадим Земной в Комсомольск на короткий срок.

Рассуждал:

— Посмотрю новые места. Чуть поработаю. А там — домой. Как говорят французы — адью, то есть прощайте.

Комсомольск — город речной. Стоит на широком речном пути. Вырастет город. Зачастят сюда пароходы со всего Амура, с соседних дальневосточных рек. Решено было создать в Комсомольске верфь и доки — места для строительства и ремонта речных судов.

Верфь для быстроты вначале заложили временную. На её строительство и попал Земной.

— Как раз по мне, как раз что надо, — рассуждал он. — Вот построю эту временную, и будьте здоровы, живите богато, а я уезжаю до дома, до хаты.

Сел, пишет домой письмо.

«Всё хорошо. Доехал отлично. Долго не задержусь. Как только наступит осень, начнутся холода, сразу же ждите».

Строит он вместе с другими комсомольцами верфь. Увлёкся. Вырастает верфь на глазах у Земного.

Вскоре друзья у него появились. Саша Неделин, Паша Петелин, Сорокина Клава, Котомкин Слава.

Общительный человек Земной, к тому же, надо сказать, аккуратный. Выбрали Земного старостой комнаты. И в комнате у него хорошо — чистота, порядок. И на строительстве верфи он не в последних, и даже не в средних, на доске Показателей, на рисунках Семёна Крутилина на самолёте летит Земной.

Короче, увлёкся парень стройкой. Закончили строить верфь. Видят другие: не торопится что-то домой Земной. Не говорит, как хотел: «Адью!»

Начали строить доки. Решил задержаться парень. «Построим доки, тогда в дорогу».

Снова пишет письмо родным. «Чуть задержусь. К холодам не ждите. Как наступит весна, тут и встречайте».

Снова в труде Земной. К старым новые друзья прибавились. Лёша Ложкин. Максим Серёжкин, Кукушкина Таня, Марковкин Ваня. И на новой работе всё у него ладится. И тут всё отлично. Бригадиром назначили Земного.

Соорудили строители доки. Не торопится что-то Земной домой. Не говорит, как хотел: «Адью!»

Нет уже прежней прити.

«Подожду,— рассуждает.— Уехать никогда не поздно».

Как раз в это время прибыли в Комсомольск для ремонта первые пароходы. Вошли они в новые доки.

«Вот как закончим ремонт пароходов, так и уеду»,— решил Земной.

Задержался опять в Комсомольске. Пишет родным письмо: «Не приеду весной. Задерживаюсь. Извините, то есть пардон, как говорят французы».

Наступило лето. Снова Земной посылает домой: «Пардон!»

Наступила осень. Снова Земной посылает родным: «Пардон!»

А за этим «пардоном» опять «пардоны».

Так и остался Земной на Амуре. Комсомольск — вот отныне где дом родной.

ЛЫЖИ

Зима. То ветры, бураны, мороз в три силы, то выдастся солнечный радостный тихий день.

Выдался день отменный. Тот, кто свободен:

— Братцы, на лыжи!

Что тут думать. Верное предложение. Нашлось охотников больше чем лыж, чем палок. Собрались. Оделись. Раздолье, простор кругом. Беги на все сто двадцать четыре стороны.

Все за лыжи. И лишь бригадир Куликов-Горошин:

— Делать вам нечего.

— Так, Иван Иванович, это же спорт.

— Энергию тратить,— опять своё Куликов-Горошин.

Прекрасное дело — бежать на лыжах. Хочешь — в паре. Желаешь — группой. Одному тоже ходить приятно. Скользят, скользят по белым просторам лыжи. Шаг, ещё шаг, толчок, рывок, и вот ты несёшься, как парус, как птица. Снег под весом твоим скрипит. Ветер в ушах свистит. Радость фонтаном наружу рвётся.

Поднялись лыжники на ближайшие сопки. Как на ладошке лежит Комсомольск внизу. Вон Амур величаво несёт свои воды. Вон он, изгиб реки. Видны стройки и новостройки: электростанция, лесозавод, судоверфь, школа, больница, ещё одна школа, жилые дома, жилые кварталы. Растёт Комсомольск и ширится.

Находились, набегались лыжники. Вернулись, заснули, словно убитые.

Смотрел на спящих бригадир Куликов-Горошин:

— Э-эх, какие завтра из них работники.

Наступило утро. Проснулись люди, оделись, умылись, быстрее к делам.

Отлично у всех работа ладилась в этот день.

Поражался Куликов-Горошин:

— Ага, совесть замучила. То-то стараются.

Однако то же самое повторилось и в следующий раз. И за следующим снова и снова. Задумался бригадир.

— На пользу, выходит, лыжи.

Сообразительным был Куликов-Горошин. Стал поступать теперь так: надо где-то усилить работу, что-то срочное сделать, где-то перевыполнить план, к комсомольцам бригадир Куликов-Горошин:

— Вам бы сходить погулять на лыжах.

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Ехал Спиридон Кнопочка поездом в Хабаровск, всё на свой сундучок поглядывал.

Сундучок изящный, красивый. Смастерили его давно-давно. Принадлежал он когда-то Кнопочкиному деду, затем отцу. Теперь принадлежит Кнопочке. Надёжно закрыт сундучок. Висит на нём огромный замок. На этот замок — на месте ли он — главным образом и поглядывал Кнопочка. Побаивался Кнопочка. А вдруг залезут в сундучок недобрые люди.

В Хабаровске Кнопочка пересел на пароход. Плывёт пароход по Амуру. Держит путь на Комсомольск.

Выйдут другие на палубу. Видами любуются. А Кнопочка сидит внизу в трюме, на свой сундучок, на замок поглядывает.

Приглашают Кнопочку прогуляться по пароходу:

— Пошли, Спиридон.

— Не хочется.

Приглашают на остановках сойти на берег:

— Пошли, Спиридон.

— Да что-то устал.

Прибыл пароход в Комсомольск-на-Амуре. Радостно встречают новеньких. Жмут люди друг другу руки, целуются, обнимаются.

А у Кнопочки руки заняты. В одной — узелок, в другой — сундучок. Не решается он свою поклажу поставить на землю. А вдруг... Так и простоял с вещами в руках. Так ни с кем не поздоровался, не обнялся.

Поселился Кнопочка в общем бараке. Всё примерял, куда лучше сундучок поставить. Под подушку — большой, не сунешь. В ноги, под матрац — тоже не помещается. Пришлось поставить сундучок под кровать. Хоть и рядом сундучок, однако с кровати его не видно. Мучился от этого Кнопочка. Ночью по несколько раз просыпался, всё

под кровать заглядывал. Нелегко бедняге. Уходит утром на работу — о сундучке думает. Возвращается вечером — о сундучке думает. И вот вернулся однажды — нет сундучка. Побелел Кнопочка.

— Караул!

Кричал громко. Всех переполошил.

Однако вскоре всё выяснилось. Убирали в комнате. Передвинули Кнопочкин сундучок. Поставили по ошибке под соседнюю койку.

Были в Комсомольске и у других сундучки. Были чемоданы, баулы, мешки, корзины. Однако никто за пожитки свои не дрожал, никто от кого-то ничего не закрывал, не прятал. Доверяли друг другу люди. Так уж сложилось в Комсомольске, так повелось.

Лишь у одного Кнопочки висит замок. Один он среди всех, как белая ворона, как чёрный лебедь.

Чёрным лебедем его и прозвали.

Не очень был сообразительным Кнопочка. Долго не мог понять, почему его так прозвали. Всё думал — за чёрные волосы на голове. Даже гордился прозвищем.

Однако время шло. Начал постепенно уметь Кнопочка. Перестал он каждую минуту вспоминать про свой сундучок, думать про то, висит ли на нём замок.

Прошло ещё какое-то время. Перестал он и вовсе за свой сундучок бояться. Даже снял незаметно для всех замок.

Совсем поумнел Кнопочка.

— Чёрный лебедь! — сам над собой смеялся.

РУДКОВСКИЕ РЫСАКИ

Потешались долгое время все над Рудковским. Называли его и его товарищей — рудковские рысаки.

Началось всё с того, что пришёл как-то комсомолец Павел Рудковский к начальникам, говорит:

— Надо создать пожарную команду.

Не подумал как-то об этом никто, а ведь прав Рудковский.

Идёт строительство города, много кругом разного боящегося огня материала: и брёвна, и доски, и тёс. Бочки с керосином, другое горючее. Конечно же, нужна пожарная команда.

— Вы правы. Нужна,— говорят начальники Рудковскому.— Вот мы и поручаем вам организовать такую команду.

Пришлось Рудковскому браться за дело.

Оказался он человеком энергичным. Достал где-то телегу, достал бочку. Взгромоздил бочку на телегу. Вот и появился первый противопожарный инвентарь. Потом раздобыл вторую телегу, вторую бочку. Потом стал подбирать кандидатов в пожарную команду.

Агитировал, агитировал. Нашлись энтузиасты. Согласились.

Вскоре выяснилось, что где-то в Пермском ржавела старая пожарная машина. Была она, правда, на конной тяге. Разыскали её комсомольцы, отчистили, привели в порядок.

Всё хорошо. Только вот нет у пожарных лошадей. Некого запрягать в телеги с бочками, некого запрягать в пожарную машину.

Не смутило это Рудковского. Собрал он своих комсомольцев.

— Начнём учения.

— Так ведь нет тяги, нет лошадей.

Усмехнулся Рудковский:

— Есть тяга!

— Где?

— А мы на что?!

Начались учения. Насмеёшься, глядя на эти учения. Выкатывали комсомольцы противопожарное оборудование на набережную Амура. Впрягались в пожарные телеги, в пожарную машину.

— Пошли!

Неслись они весело вдоль Амура. Громыхали телеги с бочками, громыхала машина.

— Рудковский за коренного, за коренного! — смеются прохожие.

— Ну и летят — как ветер!

С той поры и пошло название — рудковские рысаки.

Хорошо, что была вовремя создана пожарная команда. Вскоре огонь о себе напомнил. То вспыхнул как-то пожар на разгрузке, у причала. С курьерской скоростью примчалась пожарная команда. Бросились комсомольцы на штурм пламени:

— Дави!

— Души!

Затушили огонь, сбили.

То занялось однажды пламя на лесном складе. И вновь комсомольцы стрелой явились.

— Души!

— Дави!

Задавили огонь, примяли.

Прошло какое-то время. Быстро менялось всё в Комсомольске.

Произошли сдвиги и в пожарном деле. Появились в молодом городе современные пожарные машины, появились раздвижные лестницы, мощные насосы. Да уже и в главных пожарных совсем не Рудковский. Однако помнили в Комсомольске свою первую пожарную команду. Не забывалось название — рудковские рысаки.

ДВАДЦАТЬ ОДИН И ДВАДЦАТЬ

Поразительной подобралась бригада у Григория Андрианова.

Не считая Андрианова, двадцать человек в бригаде. Все они — люди разных национальностей:

русский,
украинец,
мордвин,
грузин,
казах,
белорус,
армянин,
аварец,
калмык,
кумык —

и ещё представители других народов. Сосчитайте — ровно столько же.

Слышна украинская речь, слышна белорусская речь, говор кавказский, говор поволжский, голос степей и гор.

Лучшей среди лучших была бригада. Корчевали на первых порах тайгу, осушали низменные болотистые места, работали на строительстве речных причалов, первых домов и складов.

Дружно жили, дружно трудились члены бригады.

Захворал как-то у них грузин. Явились сразу двадцать к нему друзей:

— Поправляйся быстрее!

— Поправляйся быстрее!

Ехал в отпуск домой мордвин. Провожают двадцать его друзей:

— Возвращайся скорее!

— Возвращайся скорее!

В девушку из соседней бригады как-то калмык влюбился. Двадцать друзей на свиданье его снаряжают.

Двадцать друзей на двадцати языках счастья ему
желают.

За свой труд не раз удостоивалась бригада высоких
почестей. Вот и сейчас объявляют строителям благодар-
ность. Стоят в общем строю:

азербайджанец,

татарин,

башкир,

туркмен,

чуваш,

хакасс,

таджик,

карел,

якут, и ещё один — житель гор —

осетин,

и ещё отличных парней одиннадцать.

НА БЕРЕГУ АМУРА

Как горные реки, несётся время. Время летит как ветер. Промчались годы с той поры, когда первые комсомольцы высадились у села Пермского на берегах Амура.

Время летит как ветер. Как стрелы промчались годы.

Поезжай на Амур, на Дальний Восток сегодня. Сядь на теплоход, подымись на палубу.

Вот он, Амур-красавец.

Поворот, подворот. За изгибом изгиб реки.

Поворот, подворот. Вот он, красавец город.

Стоит Комсомольск на левом, высоком берегу Амура.

Вот они, трубы Амурстали. Вот электростанция, судостроительный завод, речной порт, причалы. Завод машиностроительный, завод авторемонтный, другие заводы, другие фабрики. Жилые дома, кварталы. Проспекты, улицы. Больницы, школы. Театр. Кинотеатры, универсамы. Спортивные залы. Дворцы культуры.

Стоит на Дальнем Востоке город.

Город мужества.

Город юности.

Памятник комсомолу.

СТАХАНОВ И СТАХАНОВЦЫ

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ-ИРМИНО»

Если от Воронежа ехать к югу — пути приведут в Донбасс. Донбасс — один из богатейших районов Советского Союза. Здесь крупные металлургические заводы. Много других заводов. Много железных дорог. Много шоссе. Но прежде всего Донбасс — это уголь. Углем Донбасс и славен на всю страну.

Сотни угольных шахт покрыли донецкую землю. На сотни километров нескончаемыми коридорами пролегли под землёй штольни и штреки. Куда ни глянешь, поднялись к небу насыпные горы — знаменитые терриконы. Это своеобразные склады ненужных пород, выдаваемых на поверхность земли из шахт и рудников.

Одна из донецких шахт называется «Центральная-Ир-

мино». Обычная шахта. Не лучше других, не хуже. И вдруг прославилась «Центральная-Ирмино».

Один из участков шахты «Центральная-Ирмино» называется «Никанор-Восток». Обычный участок. Не лучше других, не хуже. И вдруг прославился «Никанор-Восток».

Небывалое творилось в тот день на шахте «Центральная-Ирмино». Не было ещё и пяти часов утра, а у выхода из шахты собрались люди. С минуты на минуту на поверхность земли должен был подняться человек, установивший в эту ночь мировой рекорд.

Мировой рекорд! Не каждый день ведь такое бывает. Особенно под землёй. Мировой рекорд по добыче угля.

В шахтёрском деле разные есть специальности. Главная из них — забойщик. Забойщик — это тот, кто отбойным молотком добывает уголь. В среднем за смену в те, теперь уже далёкие 30-е годы забойщик нарубал около семи тонн угля. Если удавалось нарубить восемь тонн, это считалось хорошо. Если десять, считалось отлично.

Рекорд, который был установлен в эту ночь на шахте «Центральная-Ирмино», на её участке «Никанор-Восток», превышал среднюю норму в 14 раз. 102 тонны угля добыл забойщик. Это и был мировой рекорд.

Радостно встретили товарищи победителей:

— Как настроение?

— Не подводил ли в работе отбойный молоток?

Улыбаются победители:

— Отличное самочувствие.

— На пятёрку с плюсом работал отбойный молоток.

Вслед за вопросами тут же митинг. Выступал начальник участка, товарищи по работе. На лицах у всех улыбки. Общая радость на шахте «Центральная-Ирмино».

Произошло это в ночь с 30-го на 31 августа 1935 года. Имя и фамилия забойщика, установившего мировой рекорд по добыче угля, — Алексей Стаханов.

Прогремело имя Стаханова на всю страну.

Прославилась шахта «Центральная-Ирмино».

СТАХАНОВ И СТАХАНОВЦЫ

Алексей Стаханов родом с Орловщины, из-под города Ливны. Когда вырос, окреп — ушёл на Донбасс, поступил в шахтёры.

Глянули бывалые шахтёры на парня: в лаптях, сундук за плечами.

— Ну что же, и мы не с большого начинали.

Роста Стаханов высокого. Сила видна в плечах.

— Ну что же, парень, всем видом — тебе в шахтёры!

Разные шахтёрские специальности испробовал Стаханов, прежде чем стать забойщиком. Был тормозным — притормаживал вагонетки, гружённые углём. Был коногоном — в те годы ещё работали лошади под землёй. Трудился простым обушком — это специальная шахтёрская кирка, которой рубили уголь. Прошло несколько лет. И вот появился в руках у Стаханова отбойный молоток. Быстро освоился, быстро к нему приладился. Месяц от месяца повышалось его мастерство. Вот уже семь тонн угля выдаёт Стаханов за смену. Вот — восемь. Вот — девять. Вот десять за смену тонн.

Хорошая норма — десять. Однако нельзя ли больше?

Стали Стаханов и другие шахтёры думать, как же им повысить добычу угля, как улучшить свою работу. Долгие годы труд на угольных шахтах строился так: один и тот же шахтёр выполнял сразу две работы. Когда добывают уголь под землёй, на том месте, где залегал уголь, образуется пустота. Чтобы свод не обвалился, надо его закрепить: поставить стойки, сделать опоры. Добывал уголь и производил крепёжные работы один и тот же человек. Приходилось ему от одной работы переходить к другой, прилаживаться, приспосабливаться, изменять ритм своего труда, тратить время на замену рабочего инструмента. Подумали шахтёры: а если работу построить

другим образом? Пусть забойщик только рубит уголь, а крепёжные работы пусть выполняют другие люди.

Попробовали. Сразу же увеличилась добыча угля. Теперь передовые забойщики стали добывать по сорок и даже по пятьдесят, по шестьдесят тонн угля за смену.

Молодое Советское государство развивалось. В эти годы бурными темпами росла наша промышленность. Стране требовалось всё больше и больше металла, нефти, угля.

И снова у шахтёров вопрос: а можно ли ещё больше повысить нормы добычи угля? Можно ли превзойти и эти рекордные нормы.

— Можно! — ответил трудовым примером Стаханов.

Установил он свой знаменитый рекорд — добыл 102 тонны угля за смену!

Первыми, кто подхватил трудовое начинание Алексея Стаханова, были его же товарищи по шахте «Центральная-Ирмино». Уже через три дня на том же участке «Никанор-Восток» забойщик Мирон Дюканов добыл за смену 115 тонн угля. Прошло ещё два дня, и забойщик комсомолец Концедалов довёл рекорд до 125 тонн угля за смену.

Не остановился на своём достижении и Алексей Стаханов. 9-го сентября 1935 года он установил свой второй рекорд, добыв 175 тонн угля за смену. Прошло немного времени — третий рекорд Стаханова, 227 тонн за смену. Ещё прошло немного времени — четвёртый рекорд Стаханова, 340 тонн за рабочий день.

Угольная шахта «Центральная-Ирмино» была не единственная, где велась борьба за рекорды. И на других шахтах и участках всё больше и больше шахтёров стало много перевыполнять свои сменные планы.

Движение передовиков росло и ширилось. Последователи Стаханова появились и в других областях промышленного производства: на железнодорожном транспорте, на заводах и фабриках, на совхозных и колхозных полях.

Ширятся, ширятся ряды передовиков. По имени Стаханова их всюду стали называть стахановцами.

ЛЕГКО НА ДУШЕ У ИЗОТОВА

— Едем учиться. Едем учиться. В Москву!

Никита Изотов гулял по курортному городу Сочи. Справа — море, слева — горы. Красота! Любовался Изотов городом, горами, морем, смотрел на таких же, как и он сам, отдыхающих.

— Учиться, учиться. Едем учиться!

Донецкий шахтёр Никита Алексеевич Изотов был зачислен слушателем Промышленной академии в Москве. И вот перед самым началом учёбы был послан на отдых к морю.

Слева — море. Справа — горы. Красота!

Отдохнул Изотов. Вернулся на несколько дней на Донбасс в родную Горловку. Сложил чемодан. Приготовился ехать в Москву. И вдруг...

Зашёл он перед самым отъездом на шахту «Кочегарку». Решил проститься с друзьями.

— Знаешь?

— Читал?! — сразу к нему друзья.

Смотрит Изотов на друзей с удивлением.

— А что такое?

— Значит, не читал. Смотри, — протянули друзья газету.

В газете сообщалось о рекорде Стаханова.

— Вот это дело! Молодец, — произнёс Изотов.

Никита Изотов был сам знаменитым на всю страну шахтёром. Слава к нему пришла ещё в 1932 году. Уже тогда, работая простым обуш-

ком, он перевыполнял рабочие планы в четыре, в пять раз. Друзья называли Изотова «врубовой машиной», специалисты — «чудо-забойщиком». В газетах о нём писали. Даже писатель Максим Горький знал про Никиту Изотова. Даже в гости к себе пригласил. Приехал Изотов к Максиму Горькому. Долго они сидели. О разных вещах беседовали.

Заинтересовался Никита Изотов рекордом Алексея Стаханова. Стал он выяснять побольше о самом Стаханове, интересоваться, как тот работает. Узнал, что родился Стаханов недалеко от Орла.

— Недалеко от Орла?! — поразился Изотов.

А дело в том, что сам Изотов тоже из-под Орла.

— Ты смотри, наш мужик — орловской хватки, — порадовался Никита Изотов.

Узнал, что Стаханов тоже начинал свою работу на шахте простым обушком.

— Верная школа, — сказал Изотов.

Рад Изотов за Стаханова. Загорелся желанием и сам попробовать по-стахановски. Уговорил он начальство. Отложил на несколько дней свой отъезд в Москву. Спустился в шахту.

Впился отбойный молоток в угольный пласт.

Пять крепильщиков шли за Изотовым. Едва поспевали они в работе.

Два электровоза вывозили добытый Изотовым уголь. Едва справлялись они с работой.

Уголь шёл и шёл. 241 тонну угля нарубил Изотов за смену.

А вскоре и новый рекорд Изотова — 640 тонн.

640 тонн! Вот это да! Вот так Изотов — «чудо-забойщик»!

Легко на душе у Изотова. Едет в Москву на учёбу Изотов.

РАВНЕНИЕ НА БУСЫГИНА

Ширятся, ширятся ряды стахановцев. Кузнец Александр Бусыгин был гордостью Горьковского автомобильного завода.

Неожиданно он стал кузнецом. Был простым крестьянским парнем. Приехал на Горьковский автомобильный завод, когда тот ещё строился. Начал работать плотником.

Вырос завод. Нужны заводу рабочие руки.

— Оставайтесь на заводе работать, — предлагают недавним строителям.

Появились плакаты: «Поступай на завод рабочим!»

Многие согласились.

— Остаюсь!

— Остаюсь!

— Остаюсь!

В числе тех строителей, которые остались на заводе, был и Александр Бусыгин. Определили его в кузнечный цех. Работал вначале смазчиком. Начал учиться. Освоил новое дело. Стал кузнецом на паровом молоте.

Пришло время. Установил Бусыгин мировые рекорды в кузнечном деле.

Началось всё необычно. Кузнечный цех отставал. Не поставлял он другим цехам вовремя нужных деталей. Особенно плохо обстояло дело со ступицами для автомобильных колёс.

Бусыгин был в это время в отпуске. Пришёл к нему мастер:

— Иди выручай, Бусыгин.

Подумал Бусыгин: просит мастер — неудобно отказывать. Недогулял он целую неделю своего отпуска, вышел на работу.

Хорошо работал Бусыгин. Сам не заметил, как отковал в первый же день 440 ступиц.

— Ого! — поразился мастер.

Это было на 125 ступиц больше, чем полагалось по норме.

Прошла неделя, поправились дела на заводе со ступицами. Зато обнаружилась нехватка других деталей — коленчатых валов.

Мастер опять к Бусыгину:

— Приходи выручай, Бусыгин.

Перешёл Бусыгин на ковку коленчатых валов. В первый же день и здесь у него успех. Вместо 675 по норме отковал 966 деталей.

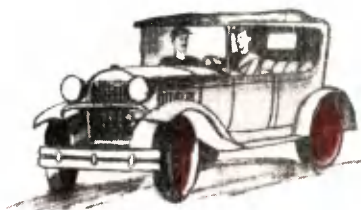
— Ого! — опять поразился мастер. — Ты у нас вроде как аварийная бригада.

Смеётся Бусыгин, объясняет мастеру, мол, прочитал он в газетах про Стаханова. Решил работать по-стахановски. А работать по-стахановски — это значит работать по-новому. Предложил Бусыгин в кузнечном деле так же, как Стаханов при добыче угля, разграничить обязанности рабочих. Разный труд стали выполнять члены его бригады: один стоит у печи нагревальщиком, у второго обязанности смазчика, третий — прессовщик.

Поползли вверх рекорды горьковского кузнеца Александра Бусыгина. Никто в мире не мог так быстро выполнять свою работу на паровом молоте, как Александр Бусыгин.

Прошла его слава по Горьковскому автомобильному заводу. Прошла по другим заводам, по всей стране. Много стало у него последователей. Гордятся кузнецы прославленным мастером:

— Равнение на Бусыгина!

ПАССАЖИРСКИЙ, ТОВАРНЫЙ, СКОРЫЙ

Любили мальчишки Ефим и Юхим стоять у железнодорожного полотна. По звуку приближающегося поезда определять, какого типа состав проходит.

Стоят. Самого поезда пока не видно. Он где-то ещё за поворотом, укрыт придорожными посадками. Поезда не видно, а звук слышен.

Наловчились мальчишки различать поезда. Здорово это у них получалось.

— Товарный! — кричит Ефим.

Верно, проходит товарный поезд.

— Пассажирский! — кричит Юхим.

Верно, идёт пассажирский.

— Скорый! — выкрикнут оба.

И опять нет ошибки. Так точно — несётся скорый.

Как они определяли: то ли по стуку вагонных колёс, то ли по пытению паровоза, то ли по гулу колёс, то ли ещё по каким-то приметам — неизвестно. Однако редко неточность у них случалась. Последний месяц и вовсе нет.

Живут мальчишки на Донбассе в рабочем посёлке на перегоне между станциями Славянск и Лозовая.

Часто играли они в узнавание поездов. Вот и в тот день.

Стоят приятели у насыпи, раздаются ребячьи голоса.

— Пассажирский!

— Товарный!

— Скорый!

Всё верно. Всё в точку.

— Скорый!

— Пассажирский!

— Товарный!

И эти — в точку.

И вдруг!..

— Скорый, — сказал Ефим.

— Скорый, — сказал Юхим.

Выскочил состав из-за поворота, открылся просвет в лесопосадке, смотрят мальчишки: а это не скорый — товарный поезд.

Глянул Ефим на Юхима. Глянул Юхим на Ефима.

— Товарный, — как бы всё ещё сомневаясь, выдал из себя Ефим.

— Товарный, — сокрушённо кивнул Юхим.

Не допустили в тот день они больше ошибки. До темноты у насыпи простояли. Раз пятнадцать искусство своё доказали.

Прошло несколько дней. Снова на любимом месте стоят мальчишки. Снова, как капли, слова срываются:

— Пассажирский!

— Товарный!

— Скорый!

Вот вновь послышался стук состава. Прислушались мальчишки:

— Скорый! — кричит Ефим.

— Скорый! — кричит Юхим.

Вышли вагоны на открытое место, видят ребята: не скорый — товарный проходит поезд.

— Что такое?! — разводят друзья руками. Удивлены ребята. Огорчены ребята.

Где же ошибка?

В чём же просчёт мальчишек?

В числе машинистов на станции Славянск работал

молодой комсомолец Пётр Кривонос. Отличный он машинист. Умело водит тяжёлые товарные поезда. Мало этого Кривоносу. Стал он думать над тем, как бы добиться того, чтобы повысилась скорость товарных составов. Стал проводить разные эксперименты. От паровозов всё зависит. Значит, начнём с паровоза, решил Пётр Кривонос.

Стал он и его помощники внимательно следить и ухаживать за своим локомотивом. После каждой поездки очищали паровозные котлы, продували дымогарные трубы, во время движения выбирали наиболее выгодный режим в работе паровозной топки. Как свои пять пальцев изучил Кривонос и весь участок железнодорожного пути между станциями Славянск и Лозовая. Закроет глаза, а точно скажет, где какой спуск, где подъём, где крутой поворот. Знает он с точностью до метра, где надо притормозить, в каком месте можно развить максимальную скорость.

Не зря трудилась паровозная бригада Петра Кривоноса, не зря искали люди новых путей в работе. Скорости стали расти. Раньше ездили со скоростью двадцать четыре километра в час. Затем стали развивать тридцать, скоро — сорок, затем больше сорока. Повышаются, растут скорости. И вот уже товарный состав несётся, как скорый поезд.

Не знали Ефим и Юхим в те дни ещё про Петра Кривоноса, про то, что стал он водить товарные поезда с быстротой скорых. Не знали, что дважды во время своих игр-гаданий повстречали именно эти поезда. Не знали, поэтому так и поражались своим ошибкам.

А когда узнали, радовались вместе со всеми замечательным успехам прославленного железнодорожника. Решили, когда вырастут, обязательно машинистами станут. И непременно такими же, как Пётр Кривонос.

Имя Петра Кривоноса навечно вошло в историю стахановского движения. Он положил начало стахановским методам работы на железнодорожном транспорте.

«ФОКУСЫ» ИВАНА ГУДОВА

— Не верю. Не верю. Не может быть!

Не верил инженер Кириллов в рекорды Гудова.

Иван Гудов — металлист, фрезеровщик. Работал на Московском станкостроительном заводе имени Орджоникидзе.

Началось всё с того, что Гудов, как и многие другие, узнал о рекорде Алексея Стаханова.

Стал он и некоторые из его товарищей говорить, что, мол, и им на своём станкостроительном заводе надо поддерживать почин донецкого шахтёра, пора и им начинать работать по-стахановски.

— Ну хотя бы в полтора-два раза превысим производственные нормы, — предлагал Гудов.

Многие покачивали головой.

— В два раза! Куда хватанул!

— А Стаханов? — напомнил Гудов.

— Сравнил, — раздался голоса. — Станки делать — не уголь копать.

— Фантазия, — заявил инженер Кириллов.

Обидно стало Гудову. Решил он на деле доказать, что и металлисты могут работать по-стахановски.

Доказал. Выполнил за смену не две, а сразу четыре нормы — четыреста десять процентов плана.

Не все поверили в этот успех. Не поверил и инженер Кириллов:

— Фокусы!

Решил тогда Гудов повторить при всех своё достижение. Собрались и друзья, и те, кто сомневался в рекорде Гудова. Пришёл и инженер Кириллов.

Приступил Гудов к работе.

И что же?

Завершилась смена. Подвели итоги. Не четыре, а теперь целых четырнадцать сменных норм, тысячу четыреста процентов дневного плана, выполнил Гудов.

Дивились все на Гудова, на его станок. Гудова со всех сторон рассматривали, словно сомневались, да тот ли это Гудов. Вокруг станка и в одну и в другую сторону обходили. Что за чудо-станок? Нормальный станок, обычный.

Стали разбираться, в чем же причина такого успеха фрезеровщика Гудова. Не скрывал Гудов своих «секретов». Прежде всего намного повысил скорость оборотов станка. В работе использовал не одну, как обычно, фрезу, а две, а то и несколько. Зажимал в станке не одну деталь, а тоже сразу несколько. И ещё очень важное — экономил секунды на каждом движении. Немало набежало таких секунд.

Вскоре Гудов доказал, что и четырнадцать дневных норм — это ещё не предел в его работе. Самый выдающийся рекорд знаменитого фрезеровщика — девяносто дневных норм за смену, то есть девять тысяч процентов плана.

Все признали рекорды Гудова. И даже инженер Кириллов. И всё же говорил по привычке, но одобрительно:

— Фокусы Гудова. Фокусы!

«Чародей» — зовут на заводе Ивана Гудова.

ТКАЧИХИ ВИНОГРАДОВЫ

Вичугские ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы получили телеграмму из Москвы. «Приглашаем дорогих сестёр,— указывалось в телеграмме,— по прибытии в Москву посетить экономический отдел «Правды».

Приятная телеграмма. Приятное приглашение. Радостно Дусе и Марусе.

Молодые они. Стройные, красивые. Работают сменщицами на одних и тех же станках. А станков не один, не два, не пять, даже не десять. Сразу на семидесяти станках работают девушки. Правда, началось всё с не-многого.

Вначале Дуся Виноградова работала на двух станках. Затем на четырёх. Хорошо работала.

— Что для тебя четыре станка — ерунда,— говорят Дусе.

Перевели её работать сразу на шестнадцати станках. Боялась Дуся:

— Ой, не справлюсь.

Однако справилась.

Опять говорят Дусе:

— Что для тебя шестнадцать станков — ерунда. Переходи на двадцать шесть.

— Ой, не справлюсь.

Однако справилась. Работа и здесь заладилась.

Вскоре Дуся Виноградова освоила работу на тридцати пяти станках, затем на пятидесяти двух, и вот наконец на семидесяти.

И у Маруси Виноградовой приблизительно так же сло-

жилась трудовая жизнь. Вначале работала на одном станке, затем на двух, потом на двенадцати, на шестнадцати, на двадцати шести, на сорока. И вот так же, как и Дуся,— сразу на семидесяти.

Семьдесят станков — это целый огромный зал. Ходят текстильщицы от станка к станку, проверяют, чтобы нитка нигде не оборвалась, чтобы станки были налажены и чётко работали, чтобы

сырьё поступало в машины доброкачественное. Подсчитали девушки: работая на семидесяти станках, по десять километров проходят они за смену. Смеются Дуся с Марусей, называют себя — стайеры. Стайеры — это бегуны на дальние дистанции.

Множатся, множатся ряды стахановцев. Вот и к ткачихам из города Вичуги пришла весть об Алексее Стаханове. Отлично работали Дуся и Маруся. Однако теперь захотелось им работать ещё лучше. Посоветовались. Убедились, если всё лучше рассчитать, если удобнее всё на рабочих местах расставить, можно и на большем количестве станков работать. Пришли к заведующему фабрикой, говорят:

— Берём сто станков. Будем работать на ста станках.

— На ста?! — вырвалось у заведующего.

— На ста,— отвечают Дуся и Маруся.— Хотим быть стахановцами.

— Да вы уже и так стахановцы,— ответил заведующий.

Разрешил он девушкам приступить к работе на ста станках. Начали они работу. Справились с работой. Бежит, бежит в машинах готовая ткань. Метр за метром, метр за метром, десятки, сотни, тысячи метров.

Освоили молодые ткачихи работу на ста станках, перешли на сто сорок четыре, затем на двести восемь, затем на двести шестнадцать. По двадцать пять километров приходилось теперь проходить им за смену, обходя все станки.

За свой стахановский труд Дуся и Маруся Виноградовы были приглашены в Москву. Тогда-то перед выездом к ним и пришла телеграмма из газеты «Правда».

Приятная телеграмма. Однако одно их смущало. Назвали Виноградовых в телеграмме сёстрами. А дело в том, что они вовсе не сёстры. Хотя и у Дуси Виноградовой маму зовут Прасковьей Ивановной. И у Маруси — Прасковьей Ивановной. Но это разные мамы. И папы разные. Не сёстры они, а просто однофамильцы.

Впрочем, многие тогда считали их сёстрами.

Стали Дуся и Маруся думать, как же им ответить в «Правду». Ответили так:

«Мы однофамильцы Приглашение принято Сёстры по труду Дуся Маруся».

Трудовой почин Дуси и Маруси Виноградовых имел очень большое значение для развития нашей текстильной промышленности. Вслед за ними и другие ткачихи начали работать сразу на многих станках, то есть стали много-станочницами.

МАЛЬЧИК СО «СКОРОХОДА»

Николай Сметанин поступил на ленинградскую фабрику «Скороход» двенадцатилетним мальчиком.

«Скороход» — фабрика обувная. Выполнял Сметанин вначале всякие мелкие поручения: заготовки подносил рабочим, инструменты, бегал для взрослых за папиросами. Носится Коля из цеха в цех. Мелькает мальчишечья чёлка.

— Наш Коля-Николаша, — называют рабочие нежно Сметанина.

Только недолго он пробыл мальчиком на побегушках. Старался сам стать быстрее рабочим. Стал учиться ремеслу. Освоил сапожное дело. Пришло время, стал Коля Сметанин за рабочий станок. Профессия у него — перетяжчик. Работа ответственная. Именно от перетяжчика зависит, красивой ли и прочной получится обувь. Самое сложное в обувном деле — точно по модели сделать носок ботинка. Этим и занимается перетяжчик.

Быстро побежало время. Настал срок военной службы. Два года пробыл Сметанин в армии. Затем снова вернулся на «Скороход». Нравилось ему сапожное ремесло. Нравился и сам завод. Ходил на работу, как на праздник. Идёт налево, направо поглядывает — на прохожих, смотрит, кто во что обут. Увидит ботинки родного завода — душа радуется:

— Наши — «сороходовские».

Наступил 1935 год. Всю страну облетела весть о знаменитом рекорде Алексея Стаханова.

Взволновала эта весть всех на «Скороходе». Взволновала и Николая Сметанина.

Стал Сметанин думать о том, как бы ему повысить производительность труда на своём станке.

У перетяжчика руки всё время в движении. Пустить в ход станок, взять ботинок, поднести его к станку, после завершения рабочей операции на машине передать ботинок следующему мастеру — всё это делается движением рук, на всё это надо время.

Обратил внимание Сметанин на то, что часто во время работы движения рук мастера бывают лишними, движения эти происходят без всякой необходимости, без пользы для дела. Руки совершают как бы «холостой» ход.

Стал Николай Сметанин улучшать, совершенствовать условия своего труда. Всё необходимое для работы придвинул как можно ближе к самому станку. Научился одним движением руки и пускать в движение станок, и брать заготовку очередного ботинка. Сократил расстояние, которое должна проходить рука, передавая дальше уже обработанный им ботинок. Продумал и многое другое.

И вот наступил день, когда Николай Сметанин сказал, что он за смену в два раза превысит рабочую норму.

Приступил Сметанин к работе. Бегут, бегут минуты. Прошло полчаса. Прошёл час. Подсчитали. Двести пар обуви перетянул Сметанин. (А надо было всего сто.)

Бегут, бегут минуты. Прошёл ещё час. Подсчитали. Двести двадцать пар обуви перетянул Сметанин. Вырастает рядом со станком Сметанина целая гора ботинок.

Кто-то сказал:

— Казбек!

Кто-то сказал:

— Монблан!

Быстро, красиво работает Сметанин. Раздаются восторженные возгласы:

— Художник!

— Артист!

Вот уже 600 пар готово. Вот — 800. Вот тысяча. 1100. 1200. 1300. Подходит к исходу рабочее время.

— Кончай! Завершилась смена.

Подсчитали. 1400 пар обуви сошло со станка Сметанина.

Сдержал Сметанин данное слово. Больше чем в два раза он выполнил свою дневную рабочую норму.

Поздравляли в тот день Сметанина.

— Ай да Коля! Ай да Николаша!

И тут же уважительно:

— Николай Сергеевич!

Вслед за Сметаниным много и других стахановцев появилось на «Скороходе». Появились они и на других обувных фабриках.

Судьба самого Николая Сметанина была примечательной. Прошло всего несколько лет, и он, бывший мальчик со «Скорохода», стал заместителем народного комиссара лёгкой промышленности СССР.

ТРИ ПОДВИГА МАКАРА МАЗАЯ

Сталевар. Огневая профессия. Сталевар — это тот, кто варит в мартенах сталь. Мартены — большие специальные печи. Тяжёлая профессия у сталеваров. Тяжёлая и ответственная.

В городе Мариуполе возвышается огромный металлургический завод. Называется он Азовсталь. Азовсталь потому, что город Мариуполь стоит на берегу Азовского моря. В Мариуполе на Азовстали сталеваром работал Макар Мазай. Прожил Макар Мазай всего тридцать лет. Три подвига совершил он в жизни.

Родился Макар Мазай на Кубани. Рано остался сиротой. Стал пастушонком. Батрачил у богатеев. Затем полтора года был беспризорником.

Задумался однажды Макар Мазай. Кругом утвердилось Советская власть, а он — в беспризорниках.

Решил поступить на работу. Нашлись добрые люди, приняли Макара Мазая на Азовсталь. Начал Макар Мазай осваивать нелёгкий труд металлургов - сталелитейщиков, стал учиться, много читал, ходил на всякие лекции и занятия. Потом Макара Мазая послали учиться в Москву. Пришёл он на Азовсталь — едва умел писать, едва умел читать. А теперь стал слушателем Промышленной академии. Это была первая победа, первый подвиг Макара Мазая.

На Азовстали Макар Мазай вначале работал подручным, помощником сталевара. Пытливый он был, наблюдательным. Прошло совсем немного времени. И вот Макар Мазай и сам в сталеварах. Талантливым он оказался человеком. Прекрасным мастером. Поставил Макар Мазай перед собой задачу — доказать, что в мартеновских печах можно сварить стали намного больше, чем варили её до этого.

Как везде, так и здесь, в сталелитейном деле, есть свои нормы. Стал Макар Мазай выдающимся сталеваром. Побил он все мировые рекорды. Стал лучшим сталеваром Советского Союза. Был признан лучшим сталеваром мира.

Это был второй подвиг Макара Мазая.

Пришёл час — совершил и третий.

В 1941 году фашисты напали на Советский Союз. В начале войны они были сильнее и их армии продвигались вперёд. Ворвались фашисты и в город Мариуполь, захватили Азовсталь. Макар Мазай ушёл в подпольщики, начал вместе с другими борьбу с фашистами. Враги выследили знатного сталевара. Они схватили Макара Мазая.

Знают фашисты, чем прославлен Макар Мазай. Предлагают ему жизнь, деньги, почёт и даже поездку в Германию. Условие одно — пусть Макар Мазай изменит своей Родине, пусть вернётся к своему труду сталевара, пусть начнёт работать на фашистскую Германию.

Плюнул Макар Мазай фашистам в лицо.

Бросили фашисты Макара Мазая в тюрьму. Долго пытали:

— Согласен?

— Нет!

— Согласен?

— Нет.

Погиб Мазай. Не изменил он своему народу, своей стране.

Совершил свой последний подвиг.

Вечная память и честь герою!

СЛОВО И ДЕЛО МАРИИ ДЕМЧЕНКО

Небольшого роста. Светленькая. В веснушках. Глаза бойкие. Стрижка под мальчика. Это Мария Демченко.

Совсем юной вступила она в комсомол. Совсем юной работала бетонщицей на строительстве Магнитогорска. Затем вернулась к себе на Киевщину в родное село Староселье.

Прославила девушка Староселье.

Создала Мария Демченко в родном колхозе комсомольское звено по выращиванию и уборке сахарной свёклы. С жаром, с энтузиазмом работали комсомольцы на своей сахарной плантации. В 1934 году Мария Демченко со своим звеном собрала по 469 центнеров свёклы с гектара. Это был выдающийся успех. Обычно в те годы сахарной свёклы с гектара собирали всего около ста центнеров.

В том же 1934 году в Москве в Кремле происходил съезд колхозников-ударников. На съезд приехала и Мария Демченко. Её избрали в президиум.

Знают уже многие про Марию Демченко. Перешёптываются в зале:

— Где она? Где она?

— Да вот же — маленькая, светленькая.

— Вот та?

— Ну да!

— Та, что под мальчика стрижена?

— Под мальчика. Лицо с веснушками.

В Москве на съезде пообещала Мария Демченко в будущем, 1935 году собрать по пятьсот центнеров сахарной свёклы с гектара.

Обещать легко. Выполнять труднее. Начались нелёгкие дни у старосельских девушек. Собрала Мария Демченко членов своего звена. Обсудили они, как им лучше трудиться, в какие сроки лучше производить те или иные работы, как лучше ухаживать за почвой и растениями.

Не получилась в тот год погода. Немало хлопот доставила она свекловодам.

В апреле вдруг накатились заморозки. Как же спасти посевы? Не заставишь же солнце спуститься с неба. Не притащишь же печи из хат крестьянских. И всё же есть способ не дать погибнуть будущим побегам. Для этого надо окуривать свекловичную плантацию дымом.

Вышли Мария Демченко и её подруги в поле. Стали на поле носить солому. Раскладывают её, поджигают. Горит солома, несёт тепло. Таскают комсомолцы солому. Горы нужны соломы. Не хватило соломы. Стали тогда девушки рвать сорняки. Таскают, таскают, таскают. Обчистили всё до былинки. Не сыщешь нигде хворостинки. Жгли навоз, камыш, залежалое сено. Спасли от беды посевы.

Наступило лето. Тепло. Благодать. Только в рост побежала свёкла. И тут... Нет дождей. Не хватает растениям влаги. Смотрят люди на небо. Облачка нет на небе. Сто шесть дней знойное солнце палило, терзало землю.

— Воды! Воды! — молила, кричала земля.

Дали воду земле комсомольцы. Вёдра в руки. Бегом к колодцам. Таскали, таскали, таскали воду. Мозоли на руках набили. Поили, поили землю. Ожила свёкла:

— Спасибо!

Набирают клубни вес. Будет отчизне сахар.

Однако не все отошли невзгоды. Луговой мотылёк — грозный вредитель — налетел на поля свекловодов.

И снова дни и часы труда. И снова за урожай борьба.

Выполнила Мария Демченко данное обещание. Почти по 524 центнера свёклы собрала она и её подруги с каждого гектара земли.

Об этом успехе газета «Правда» тогда писала. Статья называлась «Слово и дело Марии Демченко».

БРИГАДА ПАШИ АНГЕЛИНОЙ

Паша Ангелина — бригадир тракторной бригады. Женской. Комсомольской. Мало кто из женщин в те годы умел управлять трактором. А тут сразу целая бригада. Женская. Первая.

Создана она была в Старобешевской МТС Донецкой области. МТС — это машинно-тракторная станция. Существовали в то время такие станции. Были образованы они в помощь колхозам.

Скажем, наступит пора пахоты, обращаются колхозы в МТС, просят прислать тракторы. Приезжают тракторы, вспахивают колхозную землю.

Наступила пора уборки урожая. Просят колхозники прислать им комбайны.

Приходят комбайны, помогают колхозникам убирать урожай с полей.

Когда Паша Ангелина создавала свою женскую тракторную бригаду, многие посмеивались.

— Это вам не борщи варить.

— Не корм для свиней рубить.

Водить трактор не женским считалось делом.

— Посмотрим, посмотрим,— отвечала серьезно Паша.

Прошло немного времени. И тут... Вот когда все ахнули. Особенно мужчины. Стали в Донецкой области подводиться итоги работы тракторных бригад. Оказалось, что на первое место из всех бригад вышла женская бригада Паши Ангелиной.

Прошло ещё немного времени. И снова ахи, и снова ахи. И снова общее удивление.

Бригада Паши Ангелиной была признана лучшей и по всей Украине.

Своим личным трудом Паша всем показывала пример. По норме тракторист должен был за смену вспахать три с половиной гектара земли.

Паша Ангелина за смену вспахивала почти по девять гектаров.

Паша была требовательным бригадиром.

Понамучились поначалу Наташа и Мария Радченко, став членами бригады Паши Ангелиной. Бегут они как-то к трактору.

— Подождите,— вдруг окликает их Паша Ангелина. Остановились девушки.

— Почему в грязной одежде? — спрашивает бригадир.

— Так ведь трактор,— отвечают Наташа и Маша.

— Машина наравне с нами любит чистоту,— сказала Ангелина.

Вот её девиз: если трактористка грязная, не смей подходить к трактору.

Работали как-то Наташа и Мария в ночную смену. Выполнили свою норму. Соскочили с трактора. Бегут завтракать.

— Подождите,— опять окликает Паша.

Остановились Наташа и Маша.

— Почему не умылись и не переоделись? — спрашивает бригадир.

Покраснели Наташа и Маша. Понимают: права Ангелина.

Идеальный порядок навела Паша Ангелина у себя в бригаде.

Пример Паши Ангелиной увлёк многих. Всё больше и больше девушек и женщин стали осваивать сложную сельскохозяйственную технику. Прошло всего лишь три года, и только в одном Донбассе было уже сто женских тракторных бригад.

Встретил как-то Алексей Стаханов Ангелину:

— Ну как, землячка?

Улыбнулась Паша Ангелина:

— Всё отлично, всё по-донбасски, всё по-стахановски.

РЕПЕТИЦИЯ ТАИСИИ ПРОКОПЬЕВОЙ

Репетиция — так звали корову. Ухаживала за ней доярка Таисия Прокопьева.

Жила Тася Прокопьева на Севере, в Холмогорском районе. Недалеко от Белого моря. Рядом река Северная Двина. Луга здесь бескрайние. Травы высокие. Места отличные для коров.

Работала Тася в холмогорском племенном совхозе. Она комсомолка. Ей девятнадцать лет.

Нелёгкий труд — ухаживать за коровами. За каждой из них присмотри: вовремя подои, вовремя накорми, вовремя напои. Но не только этим занимались девушки-доярки. Воду возили для коров. Пилили и кололи дрова, сами отапливали скотные дворы. Дробили жмых, чистили коровники, вывозили навоз. Много разных дел на скотоводческих фермах.

У Таисии Прокопьевой, кроме Репетиции, были Золушка, Пегая, Радость и ещё три другие коровы. Всего семь. Не жалела Тася ни труда, ни времени.

С утра до вечера ухаживала за своими коровами. Каждый день каждую из них мыла, чистила щёткой, протирала тряпкой. Знала вкусы и привычки любой из своих воспитанниц.

Знает Тася, что Репетиция любит пить воду чуть подогретой. Специально подогревает для неё воду.

Знает, что Золушка даже зимой любит выходить из коровника на прогулку. Специально её выпускает.

Знает, что Пегая любит есть жмых, чуть посыпанный сверху солью. Специально его присыпает.

Знает, что для Радости — радость, если за ухом её погладить. Гладит её за ухом.

Так и с другими коровами.

— Молодец. Индивидуальный подход, — говорил совхозный зоотехник.

Всех своих коров любила Таисия. Однако всё же самой любимой была Репетиция.

Входит Тася в коровник:

— Здравствуй, Репетиция!

«Му-у», — отвечает на приветствие Репетиция.

Если Тася придумывала что-нибудь новое в уходе за коровами, начинала пробовать обязательно с Репетиции.

Смеялись другие:

— Репетиция на Репетиции.

Докатилась весть о стахановском движении и сюда, в Холмогорский район. Стали холмогорские доярки соревноваться в том, чтобы надоить от каждой коровы как можно больше молока. Первое место в этом соревновании заняла Тася Прокопьева.

Порадовали её и Золушка, и Пегая, и Радость, и другие коровы. Особенно Репетиция.

В 1935 году Репетиция дала 7791 литр молока. Это был рекорд.

Улыбается Тася Прокопьева:

— Это только начало. Это только репетиция.

Так и получилось. Удалась репетиция. Следующий, 1936 год принёс новые успехи Тасе. Теперь уже все её коровы стали рекордистками. А сама Таисия Прокопьева была признана лучшей дояркой Советского Союза.

Её наградили орденом Ленина.

ДНИ И НОЧИ КОНСТАНТИНА БОРИНА

Кубань. Без края поля, без меры. Литой колос, как путник, под ношей гнётся.

Поражались люди, глядя на Борина: 950 человек заменяет, 150 лошадей, 37 веелок.

Константин Борин — комбайнер. Это, конечно, не он, не Константин Борин, а комбайн заменяет своей работой 950 человек, 150 лошадей, 37 веелок. Но управляет им, трудится на комбайне Борин. Константин Борин стал одним из первых стахановцев на Кубани.

Комбайн — удивительная машина. Сразу несколько работ производит он в поле: косит, молотит, веет. Бежит золотым ручьём из комбайна зерно. Подъезжай, загружай, увози урожай, машины.

Комбайн, на котором работал Константин Борин, назывался «Коммунар». Норма уборки зерна «Коммунаром» 160 гектаров за сезон. В 1935 году Борин собрал урожай с 780 гектаров.

Как же добился Борин таких успехов?

— С комбайном надо обращаться на «Вы», — говорил Борин. — На «Вы» — это значит быть вежливым и внимательным. Следить постоянно за комбайном, проверять исправность и надёжность каждого из его агрегатов.

— Есть какие-нибудь жалобы, Коммунар Иванович? — спросит Борин у комбайна.

Проверит, хорошо ли смазаны подшипники, правильно ли натянуты цепи и приводные ремни, надёжно ли затянуты всюду гайки.

Проверит, улыбнётся.

— Здоров, здоров, Коммунар Иванович.

Ещё задолго до начала уборки выйдет Борин в поле. Взглянет на ширь, на даль.

— Поторапливайтесь, ждём вас, — скажет созревающему зерну, колосьям.

Осмотрит он поле, представит, как лучше косить, с какой стороны комбайну заходить удобнее, в каком месте выбрать какую скорость.

Подходит пора уборки. Всё готово у Борина. Всё проверено и перепроверено. Стоит комбайн. Ждёт, как спортсмен, команды.

Звучит наконец команда. Наступает долгожданный день. Первый день уборки нового урожая.

Привыкли все к ударной работе Борина. А тут и ещё одно.

Всем хорош комбайн. Только вот беда. Работали в те годы комбайны только днём. Но не всегда погода стоит хорошая. То светит солнце, то вдруг — дожди. Ясно: чем скорее соберёшь урожай, тем и потери меньше. Вот бы ночью заставить комбайн работать. Об этом и думал Борин: «Ночью работать. Ночью!»

Соорудил Борин специальные огни для комбайна. Вышел с огнями в поле.

Сбежались люди:

— Гляньте, комбайн с глазами.

Константин Борин был первым в стране, кто предложил производить уборку зерна комбайном не только днём, но и ночью. Предложил и первым же начал.

Кубань. Без края поля, без меры. Литой колос, как путник под ношей, гнётся.

Страда на Кубани. Пора урожая. Как капитаны у штурвалов, стоят комбайнеры. Идут один за одним комбайны. Плывут по океану полю.

ШКОЛА КУВШИННИКОВА

Заметили другие рабочие — непонятное что-то происходит с рамщиком Мусинским. Что-то он недоговаривает. Что-то от всех скрывает.

Понимают: какая-то тайна.

Город Архангельск. Лесопильный завод. Потребность в те годы в досках, в брёвнах, в других строительных материалах, приготовляемых из древесины, была огромной. Страна строилась.

Работал на Архангельском лесопильном заводе рамщик Василий Мусинский. Рамщик — это профессия. Брёвна распиливаются на специальных установках, которые называются лесопильные рамы. Рамщик и есть тот человек, который работает на лесопильной раме. От рамщиков прежде всего и зависит успех общего дела. Они — главная сила на лесозаводе.

В те годы сменная выработка на одну раму была утверждена в девяносто пять кубических метров древесины. Стал Мусинский думать, а нельзя ли повысить эту норму. Начал делать всякие расчёты. Получалось, что можно. Вот лишь один пример.

На лесопильной раме не пила «набегает» на бревно, а, наоборот, само бревно идёт навстречу пиле. «А что, если повысить скорость продвижения распиливаемого бревна?» — подумал Мусинский.

С этого момента и появилась у Мусинского тайна. Стал он увеличивать скорость. Выработка сразу намного повысилась.

Занимался своими опытами Мусинский тайком, потому что кое-кто из местного начальства запрещал повышать скорость работы лесопильных рам. «А вдруг произойдёт поломка?!» — боялись такие начальники.

Однако Мусинский был уверен, что рамы вполне пригодны для более быстрой работы. У Мусинского сменщи-

ком был совсем молодой рабочий комсомолец Федя Кувшинников. Поделится Мусинский с Кувшинниковым своим секретом. Теперь уже и у Кувшинникова появилась тайна. Научился он, как по-новому обращаться с рамой. Верно: намного быстрее идёт работа.

Посоветовались Мусинский и Кувшинников, решили обо всём рассказать руководителям завода. Разобрались те, что к чему.

Семь раз проверили и перепроверили. Сказали рабочим-новаторам:

— Молодцы!

Не надо теперь уже Мусинскому и Кувшинникову экспериментировать тайно. Поддержано их начинание. Особенно больших успехов в труде добился Фёдор Кувшинников. Прошло немного времени, и Фёдор Кувшинников установил мировой рекорд работы на пилораме. Стали многие у него учиться. Образовались даже целые группы. Занятия проходили и в специальном классе, и у самой пилорамы.

Вскоре появилось выражение «школа Кувшинникова». Многие знатные рамщики-стахановцы вышли из этой школы.

Фёдор Кувшинников был не только прекрасным мастером, но и очень чутким, отзывчивым и внимательным человеком.

Случится у кого-нибудь беда. К кому обратиться?

— Иди к Кувшинникову.

Нужна кому-нибудь срочная помощь. К кому обратиться?

— Иди к Кувшинникову.

Всегда — днём и ночью, зимой и летом — поможет Кувшинников делом, поможет словом. Не даст обидеть, заступится за тебя.

И этим качествам другие тоже стали у него учиться. И это была тоже школа Кувшинникова.

Важная школа. Отличная школа.

ТОЧНОЕ ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Таня Славникова работала сверловщицей на металлическом заводе в Харькове.

Было у Славниковой одно увлечение. Занималась она парашютным спортом. Любила шум авиационных моторов. Любила простор лётного поля. Обожала раннее утро — пору, когда начиналась аэродромная жизнь.

Когда поднималась девушка в воздух, захватывало дух у Тани. Внизу — всё как на ладонке. Только всё маленькое, как игрушечное. И дома, и машины, и люди. Если подняться высоко, людей и вовсе не видно. Летит словно на сказочном ковре-самолёте Таня.

Но вот наступает самый волнующий момент для парашютиста. Выходит Таня на крыло самолёта. Сейчас лётчик подаст команду: «Пошёл!»

Надо будет сделать шаг вперёд. Ступить в воздушную пропасть.

— Пошёл! — кричит лётчик.

Делает Таня шаг. Замирает сердце. Тревожная мысль: надо дёрнуть кольцо. «Дёрнуть кольцо» — это значит раскрыть парашют.

Дёргает Таня кольцо. Секунда, вторая... Вдруг резкий рывок, удар. Это парашют раскрылся, началось торможение. Не падает теперь Таня, а парит в воздухе, плавно спускается на землю. Вот всё яснее видны фигуры людей. Крупнее машины. Дома крупнее.

Теперь главная задача: надо постараться приземлиться точно в указанном месте. Есть способ, при помощи которого можно управлять парашютом. Использует девушка этот способ, подтягивает то одни, то другие парашютные стропы, старается опуститься именно там, где надо.

Вот она, рядом, земля. Вспоминает Таня наставления: нужно при приземлении, чтобы смягчить удар, пригнать

колени, а затем быстро упасть на какой-нибудь бок. Всё по правилам делает Таня. Отличное приземление.

Таня Славникова не только обожала парашютный спорт, но и любила свою работу. Трудилась у них на заводе так же, как и Таня, сверловщицей Катя Макарова. Была стахановкой. Лучше других работала.

И вот решила Таня вызвать Катю на соревнование.

Не верили многие:

— Да где уж тебе до Макаровой. Да разве можно тягаться, разве можно побить рекорд Макаровой!

Зато другие:

— Побьёт, побьёт. Она же — парашютистка.

Начали девушки соревноваться. Старается Таня. Проявляет характер. Вышла Таня Славникова победительницей в соревновании. За свои успехи в работе была послана Таня Славникова в Москву на первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта. Даже выступала на этом совещании.

Радуются за неё друзья:

— Точное приземление!

ТОКАРЬ С КАРБЮРАТОРНОГО ЗАВОДА

Торжественно проходило первое совещание рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта. Делегаты собрались в Москве, в Кремле, в Большом Кремлёвском дворце. На трибуне товарищи Сталин, Калинин, Ворошилов, другие руководители Коммунистической партии и Советского государства.

В числе приехавших на совещание был и токарь карбюраторного завода из города Куйбышева Афанасий Кирьянов.

Отлично трудился Кирьянов у себя на заводе. Не было на всём карбюраторном такого человека, который бы не знал о Кирьянове.

- Руки умелые.
- Деловая хватка.
- Рабочая статья.

Был Кирьянов лучшим среди стахановцев. Вот и выпала честь ехать в Москву на совещание.

Москва! Впервые в Москве Кирьянов. Улицы слева, улицы справа. Громады домов, как утёсы, высятся.

Кремль! Любовался, поражался Кремлём Кирьянов. На стены Кремля дивился. Дивился на красоту соборов. У царь-колокола стоял как приворожённый. У царь-пушки и вовсе замер.

Красная площадь! Ленинский Мавзолей. Сказка — храм Василия Блаженного. Исторический музей. Часы на Спасской башне...

Э-эх, сколько веков за кормой истории!

Идёт совещание. Сидит Кирьянов, слушает других. Выступает Стаханов. Выступают Изотов, Евдокия Виноградова, Иван Гудов, Пётр Кривонос, другие стахановцы.

Шло вечернее заседание. Председательствовал народный комиссар тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе.

Поднялся Орджоникидзе:

— Дорогие товарищи, сейчас выступит токарь Куйбышевского карбюраторного завода товарищ Кирьянов. Старейший токарь,— добавил Орджоникидзе и загадочно улыбнулся.

Поднялся Афанасий Кирьянов, идёт к трибуне. Волнуется. Сердце стучит. В глазах темно. Лучше пять смен отстоять у станка, чем сделать эти шаги по залу.

Смотрят делегаты, кто там идёт. Что-то не видно. Стали привставать делегаты.

— Кто там идёт?!

Подошёл к трибуне Кирьянов. Всем виден теперь Кирьянов. «Дитё»,— кто-то шепнул невольно. Смотрят: подросток стоит на трибуне. Мальчишке семнадцать лет.

— Выступает лучший токарь Куйбышевского карбюраторного завода,— произнёс Серго Орджоникидзе.

И тут... Даже вздрогнул в эту минуту Афоня Кирьянов. Как гром, как град грянули аплодисменты.

Видел подросток: Сталин хлопал, Калинин хлопал, Ворошилов хлопал, Орджоникидзе хлопал. Другие хлопали.

— Ну, Афанасий, выпала честь, выпала честь,— говорили потом Кирьянову.

Конечно, честь. Заработал её трудом. Парню семнадцать лет, а аплодируют члены правительства.

МАМЛЯКАТ

По сравнению с Мамлякат Афанасий Кирьянов старей-старый. Мамлякат Наханговой — и вовсе одиннадцать лет.

— И тоже стахановка?!

— Стахановка. Орденом Ленина награждена.

Мамлякат тоже была в Москве. Также была в Кремле. Только на другом совещании.

Руководители партии и правительства встречались с передовыми колхозниками и колхозницами Таджикистана и Туркменистана.

Из Таджикистана как раз Мамлякат, из колхоза имени Лахути.

Здесь на колхозных полях и прославилась пионерка Мамлякат Нахангова.

Много разных богатств в Таджикистане. Однако главное богатство — хлопок. Очень нужен стране хлопок.

Не зря его называют «белым золотом».

Хлопок — растение прихотливое. Нелегко за ним ухаживать. Особенно собирать. Сейчас существуют специальные хлопкоуборочные комбайны. В те годы урожай хлопка собирали руками. Хлопок растёт на кустах, созревает в больших почках, в коробочках. Созреет хлопок — коробочки лопаются. Ходят люди по полям, собирают «белое золото».

Среди сборщиков хлопка и была юная Мамлякат. Вызвалась она помочь старшим.

— Ну что же, пусть привыкает к труду и полезному делу, — решили взрослые.

Вышла пионерка со всеми в поле. Сразу же с первого дня все обратили внимание на проворство, с которым работает юная школьница. Идут вдоль кустов сборщики. Видно, как Мамлякат отрывается от других, как быстро уходит вперёд.

— Мамлякат! Мамлякат!
Далеко впереди Мамля-
кат.

Обычно хлопок собирали одной рукой. Обеими руками работает девочка. Быстры её движения.

— Мамлякат! Мамлякат!
Далеко впереди Мамля-
кат.

Мелькают, мелькают, как крылья, руки. Косички по ветру плещут.

— Мамлякат! Мамлякат!
Далеко впереди Мамля-
кат.

Когда подводили итоги, выяснилось, что Мамлякат больше других собрала хлопка. Ей и выпала честь ехать в Москву на совещание.

Мамлякат Нахангова тоже выступала с трибуны Большого Кремлёвского дворца. Рассказывала о том, как собирала хлопок, как научила других собирать хлопок двумя руками. Долго участники совещания хлопали Мамлякат.

Товарищ Сталин её обнял, расцеловал. Золотые часы подарил на память.

С этими часами потом была целая история. Нигде не хотела Мамлякат расставаться с дорогим подарком. Даже вернувшись с совещания в гостиницу, важно с часами уехала в ванну.

Вернулась из Москвы домой Мамлякат. Орден висит у неё на груди. Часы тикают на руке. Идёт она юная и счастливая.

БАРАСБИ

— Асса! Асса!

Идёт по кругу весёлая кабардинка.

— Асса! Асса!

Кто там на сцене так ловко пляшет?

Это Барасби Хамгоков.

Мчатся, как ветер, кони. В самом разгаре скачка.

— Давай! Давай!

Кто там так лихо несётся первым?

Это Барасби Хамгоков.

В школе идут экзамены.

Первый экзамен — пятёрка.

Второй — пятёрка.

Экзамен третий — опять пятёрка.

Кто так успешно сдаёт экзамены?

Это Барасби Хамгоков.

Барасби Хамгокову тринадцать лет. Он пионер, школьник. Живёт Барасби на Северном Кавказе в Кабардино-Балкарии. Здесь горы, как свеча, поднялись к небу. Здесь центр Кавказа. Здесь высь Эльбруса.

Барасби не просто умелый танцор — он лучший пионерский танцор Кабардино-Балкарии. Барасби не только прекрасный наездник. Он чемпион, победитель. Дважды брал первые призы на конных соревнованиях. Ну а то, что Барасби отличник учёбы, это любому и так известно.

И всё же Барасби прославлен не школьными пятёрками, не танцами, не победами на скачках. Хотя, конечно, и это почётно, и это важно. Барасби любит труд. И это главное. Для родного колхоза он вырастил пять телят и одного жеребёнка.

Телята у него один к одному. Все рыженькие, с белыми прямоугольниками на головах. Жеребёнок, наоборот, сам светлый, тёмное пятно, как шапочка, между ушами. Назвал его Барасби — Костик. Когда Костик подрос,

именно на нём взял Барасби на конных соревнованиях свои важные призы. Немало пришлось потрудиться Барасби, пока росли телята, пока стал крепко на ноги Костик. Мыл их, кормил, поил, гулять выводил. Даже рассказывал на ночь сказки.

Смеялись другие:

— Телятам — сказки!

Не обижался Барасби. Он-то знает, что любят телята и Костик сказки. Притихнут, смотрят на рассказчика.

Пионер Барасби так же, как Мамлякат, был приглашён в Москву. Он тоже выступал с трибуны Большого Кремлёвского дворца.

Барасби Хамгоков рассказал о родном колхозе, о колхозном клубе, о своей работе: о телятах, о Костике, о школе, и даже о танцах, и даже о скачках, и даже о сказках.

Все внимательно слушали юного пионера, молодого стахановца. Долго хлопали Барасби...

* * *

Стахановец — значит первый, лучший в труде. В годы первых пятилеток очень почётным считалось это слово.

Слава великому прошлому! Слава Стаханову и стахановцам!

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОД НА АМУРЕ

Поворот, подворот. Снова изгиб реки	6
Про видение и везение	9
Из «Одессы» в «Нижний Новгород»	11
Как Комсомольск стал Комсомольском	14
Хорошее настроение	16
Антон и Жора	18
Первый гудок	20
Улов	23
Плечо комиссара	26
Карта Миши Иванова	28
И никаких гвоздей...	30
Доброе дело добром отзовется	33
Злейший враг	36
Главная специальность	38
Самолёт и черепаха	41
Дополнительный стимул	43
Случай с Хохловым	45
Отпуск	48
«Адьо» и «пардон»	51
Лыжи	53
Чёрный лебедь	55
Рудковские рысаки	57
Двадцать один и двадцать	60
На берегу Амура	63

СТАХАНОВ И СТАХАНОВЦЫ

«Центральная-Ирмино»	66
Стаханов и стахановцы	68
Легко на душе у Изотова	71
Равнение на Бусыгина	73
Пассажирский, товарный, скорый	75
«Фокусы» Ивана Гудова	79
Ткачихи Виноградовы	81
Мальчик со «Скорохода»	84
Три подвига Макара Мазая	87
Слово и дело Марии Демченко	90
Бригада Паши Ангелиной	93
Репетиция Таисии Прокопьевой	96
Дни и ночи Константина Борина	98
Школа Кувшинникова	100
Точное приземление	102
Токарь с карбюраторного завода	105
Мамлякат	107
Барасби	109

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Алексеев Сергей Петрович

ГЛАВНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Рассказы

ИБ № 7741

Ответственный редактор *И. В. Омельк*. Художественный редактор *Г. Ф. Ордынский*. Технический редактор *Н. Г. Мохова*. Корректоры *Э. Н. Сизова* и *Е. А. Сикясян*. Сдано в набор 26.04.84. Подписано к печати 12.02.85. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсет. Усл. печ. л. 8,19. Усл. кр.-отт. 17,84. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2818. Цена 50 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

50 коп.

